

ин-те в Ленинграде. После Октябрьской революции неоднократно был командирован в составе представителей СССР на всемирные научные конгрессы и конференции. Член ряда американских научных обществ. Получил премию им. В. И. Ленина за научно-технические работы. В 1932 избран действительным членом Академии наук СССР. Ч. является также крупным изобретателем, имеющим около 50 патентов на изобретения в СССР и САСШ.

Из большого количества научных трудов Ч. наиболее значительны следующие: К вопросу о законах пробоя диэлектриков, «Известия Петербургского политехнического ин-та», т. X, СПб, 1908; Абсолютный электромметр для измерения напряжений от 10.000 до 120.000 вольт, «Журнал Рус. физико-хим. об-ва», т. LXII, вып. 4, СПб, 1910; Абсолютные измерения в высоковольтных цепях, СПб, 1913; Фотоэлементы, «Вестник рентгенологии и радиологии», т. 1, вып. 1, П., 1919; Получение токов высокого постоянного напряжения значительной мощности, там же; Устройство для видения на расстоянии (совместно с Н. Р. Шмидт-Чернышевой), в кн. Труды Ленинградской физико-технич. лаборатории, вып. 2, М., 1926; Общий вид разрядников для защиты линий слабого тока от опасных повреждений со стороны линий сильного тока, там же; Устройство для защиты от перенапряжений (совместно с В. И. Глазновым), там же, вып. 10, М., 1929; Защита трансформаторных обмоток (совместно с В. И. Глазновым и Г. А. Савициным), «Электричество», М., 1931, № 4; Передача больших мощностей на большие расстояния, там же, № 5; Передача энергии постоянным током, в кн. Ген. план электрификации СССР, т. VII, М.—Л., 1922. Ряд этих научных трудов помещен в сообщениях Междупарламентских конгрессов по сетям высокого напряжения (№ 79, 80—1929, № 47—1931, № 19—1932).

ЧЕРНЫШЕВ, Илларион Васильевич (р. 1869), соц.-дем. меньшевик. Примкнув в 1894—95 в Петербурге к рабочему движению, входил в группу «молодых», противопоставившей себя группе «стариков», во главе которых стоял Ленин. Был сослан в Вологодскую губ. В начале 900-х гг. работал в с.-д. организациях на Ю. России, примыкал к группе «Южного рабочего» (см.). В 1902 уехал за границу; первое время примыкал к «Искре», затем перешел к рабочеделцам. Автор ряда меньшевистских работ [«Памятная книжка марксиста» (1906); ст. в коллективном сборнике «Аграрное движение в России в 1905—06», СПб, 1908; «Общины после 9 ноября 1906» (1917), два выпуска; «Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет» (1918)]. После Октябрьской революции—профессор полит. экономии и аграрной статистики.

ЧЕРНЫШЕВ, Сергей Егорович (род. 1881), современный архитектор. Окончил Академию художеств в 1907, совершенствовался в Греции и Италии. По его проектам выстроены в Москве Институт Маркса—Энгельса—Ленина (на Советской площади) в 1926—27. По плану Чернышева выстроено здание Промакадемии на Н.-Басманной ул. (1927—28), здание «Динамо» на ул. Дзержинского (1931), Второй дом Советов (1932) и др. Принимал участие в крупных конкурсах [например проект г. Магнитогорска (1930), Зеленого города (1931—32)]. Большинство построек Ч. выполнены в т. н. «новом стиле», основанном на отказе от декоративности. Однако Ч. не чужд и классических форм, к-рым он следовал в ранних постройках и к к-рым он возвращается в последних проектах.

ЧЕРНЫШЕВ, Николай Михайлович (род. 1885), советский живописец и рисовальщик. Окончил Академию художеств в 1916; профессор Вхутемаса и Вхутенна и запед. его монументальным отделением 1920—30. Член «Маяковца» 1922, ОМХ 1927, АХХР 1931. После кубистических экспериментов 1918—22 перешел к строгому и обобщенному живописному реализму. Картины Ч. выделяются лиризмом и жизнерадостностью светлого колорита («Полощут белье»,

1928, в Гос. Третьяковской галерее в Москве; «Девочки», 1928, в Гос. русском музее в Ленинграде, и др.). Не менее важна роль Ч. как спе-

Чернышев Н. М. Рисунок.

циалиста по теории и технике монументальной живописи (книга «Техника стеновых росписей», М., 1930; статья «Монументальная живопись», журн. «Искусство», 1933, № 1—2).

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. Содержание:

I. Биографический очерк	368
II. Ч. — философ	375
III. Ч. — экономист	384
IV. Ч. — историк и политик	390
V. Ч. — литературовед и писатель	399

I. Биографический очерк.

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889)—великий ученый и критик, публицист и революционер. Род. в семье протоиерея в г. Саратове, образование получил в духовной семинарии, а затем в Петербургском университете на историко-филологическом факультете. Хотя Ч. был мальчиком религиозным и много читал Минеев-Читин, но духовное воспитание и образование его совершенно не удовлетворяло. Общественные вопросы очень рано овладели пытливым и глубоким умом будущего революционера, хотя в юности он мечтал о карьере ученого. С детских лет Ч. наблюдал противоречия интересов крестьянства и самодержавно-крепостнического государства. Большое влияние на его развитие оказывали непосредственные наблюдения над забитым народом и над ничтожеством власти имущих. Он возмущался тем, что самодержавие превратило русский народ в жалкую нацию рабов. Юноша рано пристыдился к светскому чтению, увлекшись свобододобивными идеями Пушкина, Белинского, Герцена, Ж. Санд, Шиллера и др. В ун-те Ч. прибыл тихим, почтительным юношей, но в нем уже были сильные элементы революционного мировоззрения крестьянской демократии, хотя еще не осознанные и не оформленные. В ун-те Ч. постиг вершины и глубины европейской мысли. Особное влияние имели на него французские материалисты 18 века, а также Гегель, Прудон,

Луи Блан, Леру, Консидеран, Фурье, Сеп-Симон, Гизо, А. Смит, Рикардо и др.; решающее же значение принадлежало Л. Фейербаху, материалистической философии к-рого в домарксовский период была самой революционной. В работах этих ученых и революционеров Чернышевский находил для себя ответ на волнованный его вопрос, как совершится переход России от феодализма к капитализму — прусским путем или революционным американским. Классовая борьба вокруг этой основной проблемы эпохи формировала и оттачивала мировоззрение Ч. (см. *Шестидесятые годы*). Огромную роль сыграли и революционные события в Европе 1848. Ч. задню следил за перипетиями борьбы, всегда радуясь победам революции. В двадцать лет Ч. определился как убежденный республиканец-демократ с глубокими и прочными симпатиями в «сторону социализма». Однако на первых порах он жил наивной мыслью, что наследственная неограниченная монархия «должна стоять выше всех классов и собственно создана для покровительства утесняемых, а утесняемые — это низший класс, земледельцы и работники»... ее «обязанность состоит в том, чтобы всемирными приготовлениями и содействием будущему равенству... не формальному, а действительному равенству этого сословия с другими высшими классами, равенству и по развитию и по средствам жить и по всему». Такую монархию Ч. считал все же временной, переходной, объявляя себя «партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев» (см. *Дневник Ч. 1848*, в книге *Литературное наследие*, т. I, стр. 276 и 277). В это время он был недоумен Гегелем за его философию «удаления от бурных преобразований, от мечтательных дум об утопиях, die zarte Schonung des Bestehenden (заботливая охрана существующего. — В. П.)» (*Дневник 1849*, там же, стр. 380). В 1850 Ч. уже стоял за уничтожение монархии, за революцию, к-рую должны совершить широкие народные массы, крестьянство, — его не смущали ни трудности революции, ни ее зигзаги, ни кровь и беспощадность. В мае 1850, когда в Европе победила реакция, а русское самодержавие, опасаясь революции у себя, усилило свой и без того страшный гнет, революционное настроение Ч. крепнет. Он выработывал план вооруженного восстания, мечтал о тайном печатном станке, о подложных манифестах, прокламациях, об освобождении крестьян, роспуске армии и т. д.

Весной 1850 Ч. окончил ун-т. В январе 1851 получил место преподавателя словесности в Саратове. В 1853 женился, — вступая в брак, предупредил свою невесту, что в России «скоро будет бунт,» и он «будет непременно участвовать в нем»... Его «не испугают ни гриз, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня». Его не остановит ни тюрьма, ни каторга, ни смерть. Жизнь в захолустном Саратове быстро стала тяготить Ч. В 1853 он переехал в Петербург, первое время жил случайными литературными заработками и даже корректурой. Некоторое время преподавал в кадетском корпусе. Мечтая

об ученой карьере и профессорстве, Ч. с осени стал сдавать магистерские экзамены и вскоре подал свою знаменитую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности». Блестяще защитив ее, Ч. однако не получил профессорской кафедры, долго даже не получал звания магистра. В своей диссертации молодой ученый, несмотря на политические условия и цензуру, сумел развить революционные основы своих взглядов, разбивая идеалистическое мировоззрение и выдвигая на первый план материалистическую философию Л. Фейербаха. Хотя спор шел о вопросах эстетики, но друзья и враги Ч. прекрасно понимали, что дело тут не в искусстве, не в философии, а в путях развития общества. Диссертация была полна жажды жизни, кипучей работы. С декабря 1855 и в течение всего 1856 в «Современнике» печатались «Очерки гоголевского периода русской литературы». Очерки были насыщены теми же идеологическими и политическими установками, что и диссертация. В них Ч. противопоставлял революционные заветы Белинского, которого старались ополчить либерально-дворянские идеологи. Эти две работы, боевые, вызывающие, страстные, сразу выдвинули Ч. на передовые позиции как идеолога и руководителя революционной демократии, как идеолога крестьянской революции. С этого времени Ч. становится политическим руководителем «Современника», становится в центре общественного движения. Одни его поносят, другие ему рукоплещут. Герцен, не поняв политического смысла нападок «Современника» на т. наз. обличительную литературу того времени, поместил в «Колоколе» статью «Very dangerous», статью грубую, алую, в корне ошибочную, бросающую тень на политическую деятельность сотрудников журнала, которые якобы находятся под «напием цензурного триумфариата». В связи с этим делом летом 1859 Ч. ездил к Герцену в Лондон, но примирения не произошло. Ч. остался на своих позициях, Герцен сделал печатно несколько невразумительных объяснений, что он не имел намерения мारать политическое лицо противной стороны.

Ч. не был ученым старого академического типа, замкнутым в свою науку, оторванным от жизни. Он был революционер и политик, и все науки интересовали его как средство, помогающее разрешать политические задачи. У Чернышевского была «общая норма для оценки всех факторов общественной жизни и частной деятельности — „благо человека“, — но эта формула указывала только цель, а не дает готовых средств к ее достижению». Отысканию этих «средств к достижению» служили сама жизнь и его занятия философией, экономикой, историей, литературой и т. д. Этому было подчинено все. Философия Фейербаха, совершенно недостаточная, чтобы обосновать мировоззрение и программу пролетарского революционера, революционеру — крестьянскому демократу — давала известную возможность обосновывать его программу, его мировоззрение. Мир существует независимо от человеческого сознания. Сверхъестественного мира нет. Человек — продукт этого мира, он еще не знает мира, но человеческому познанию о нем нет границ. Человек завоевует мир. Бытие определяет сознание, но не наоборот. Чернышевский понимал, что недостаточно о б ъ я с н ы т ь мир, дело «заключается в том, чтобы изменить его». И он предсказывал пришествие людей, которые, выработав новые

философские принципы, сумеют обеспечить «торжество новых принципов», т. е. революции и социализма. Отстаивая материалистическое мировоззрение, Ч. подчеркивал, что материализм служит революции, а всякий поворот к идеализму есть измена делу революции. Установив, что мир можно изменить и человек может и должен его изменить согласно своим «нормальным» стремлениям, Ч. в области политической экономии стал определять тот хозяйственный порядок, к-рый отвечал его взгляду на социалистическое общество. И тут Ч. вслед за своим учителем впадал в исторический идеализм. Ч. очень хорошо видел и понимал классовую борьбу, дал изумительные, яркие картины этой борьбы, но, впадая в идеалистические ошибки, он не смог установить связи этой борьбы с развитием производительных сил, он апеллировал к абстрактному принципу «нормального» человека и его «нормальных потребностей», часто терял историческую точку зрения. В своих политико-экономических воззрениях Ч. шел от классической политической экономии А. Смита, Д. Рикардо и учения социалистов-утопистов Сен-Симона и Фурье. Критически перерабатывая их, Ч. с наибольшей полнотой и ясностью свои воззрения в этой области изложил в примечаниях к Миллю. Теорию А. Смита он считал определенно буржуазной. Он пытался создать экономическую теорию социалистического общества, построившего на началах коллективной собственности, коллективного производства и потребления. Он признавал, что капиталистический строй высоко поднял развитие производительных сил общества, исторически был неизбежен, но «экономическая история движется к развитию принципа товарищества». Для дальнейшего прогресса общества необходимо объединить в одних руках землю, капитал и труд. Капитализм дал свободу личности, но эта свобода существует юридически, но не практически. Полная свобода личности и ее благо могут быть достигнуты, когда будут уничтожены вредные действия капитализма, «коренящиеся в самом принципе, в самой логике соперничества». А они могут быть устранены, когда будет устранен самый принцип. Пройдя через философию Гегеля, Чернышевский понимал революционное значение диалектики, но он не сумел применить ее к анализу тех противоречий, к-рые заключает в себе развитие капитализма. Он не мог понять, что капитализм должен прийти к своей гибели; он не смог проанализировать законы развития капитализма и понять, что «с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает себе продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны» («Манифест Коммунистич. партии», 1932, стр. 28). Изучение истории, наблюдение над революционными событиями в Европе убедили Ч., что путь изменения капиталистического мира один—это путь революции и что эта революция неизбежна в самодержавно-крепостнической России.

Ч. был величайшим просветителем-практиком в России». Он нес в массы материализм и идеи крестьянской революции, ненависть к крепостному праву и ко всем его проявлениям, нес защиту просвещения, свобод, европеизацию России, веру, что только полное уничтожение крепостного права даст возможность строить жизнь на более справедливых началах.

Литературная деятельность Ч. развернулась в момент революционной ситуации в стране. Крымская катастрофа русского самодержавия с особенной силой выдвинула основной вопрос русской жизни—крестьянский вопрос. Страну охватывали крестьянские волнения. Все, не исключая правительства, понимали, «что положение наше таково, что медлить нельзя». Началась так наз. «эпоха великих реформ». Ч. занял к реформе абсолютно отрицательное отношение; он верил только в путь революции, понимая, что помещики и буржуазия составляют единый фронт. Он был злейшим врагом либералов, он видел, что в России нет революционной буржуазии, что либералы, несмотря на все свои высокие гуманные фразы об угнетенном мужике, боясь крестьянской революции, пойдут на сделку с самодержавием. Он понимал, что кто бы ни освобождал крестьян—помещики или либералы—все равно «выйдет мерзость». Тут, по словам Ленина, «нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы..., понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер,—чтобы понимать что уже тогда в русском „обществе“ и „государстве“ царили и правили общественные классы, бесповоротно праждавшие трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства» (Ленин, Соч., том I, стр. 179). Отстаивая революционный путь развития общества, Чернышевский ясно сознавал, что «глубоко думать, что человечество может идти прямо и ровно, когда этого до сих пор никогда не бывало». Он знал, что «исторический путь—не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через дебри. Кто боится быть покрытым пылью и выпачкаться сапоги—тот не принимаясь за общественную деятельность. Она—занятие благодетельное для людей, но занятие не совсем опрятное». В то время как царь Александр II, зная, что реформа не разрешит основного вопроса, не успокоит крестьянства, готовился вооруженной силой подавлять крестьянские восстания, Ч. готовился к революции, он готовил руководящий идейно-политический центр, подбирая людей для будущего революционного правительства, понимая, что без надлежащей подготовки восставшие не могут закрепить своей победы и удержать власть в своих руках. Он знал, что «в важных внутренних делах государства, если дело немаловажно, спор приводит к военным угрозам, а «от угроз доходит дело и до войны», т. е. до гражданской войны. План ее он обдумывал и к ней готовился. Момент широкого восстания приравнивался к 1862—63. Не отрицал Ч. и легальных возможностей, но считал их второстепенными и недостаточными. Ч. был человек весьма консервативный. Он не боялся ни исторической ответственности за свое дело, не боялся он и своей гибели, но он не хотел погибать зря. До сих пор мы очень мало знаем, каковы были организационные отношения Ч. к Земле и воле, к прокламациям «Великорусса», к «Молодому поколению» и другим революционным предприятиям. Только за последнее время из воспоминаний М. Слепцовой «Штурманы грядущей бури», требующих строгой проверки, мы узнаем, что Ч. был организатором подпольной работы, он организовывал нелегальные пятерки, сам был в центральной пятерке, которая решала вопросы о количестве и составе рево-

Н. Чернышевский.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ (1883)

люционных питерок. Эти питерки впоследствии влились в организацию Земли и воли. В своей деятельности Ч. воодушевлялся «верой в возможность крестьянской революции» (Л е н и н). Но поскольку мелкая городская буржуазия была ничтожна, а пролетариат как самостоятельный класс только еще начинал выделяться, буржуазный характер намечавшейся крестьянской революции 1850—60-х гг. не выступал с очевидной ясностью. Демократизм Чернышевского был «мужичийский демократизм» (Л е н и н). И то время этот демократизм сливался с социализмом «в одно непрерывное целое» (Л е н и н). Для марксистов с очевидностью ясно, что строить социализм на крестьянской революции, на мелком крестьянском хозяйстве, на общинном землевладении нельзя. Ч. был социалист-утопист; хотя в его общем мировоззрении и политических взглядах было много глубоко реалистических моментов, но он верил в крестьянскую революцию как в пролог организации социалистического общества.

В русской общине Чернышевский видел возможный зачаток социалистического устройства общества». Следует однако указать, что Ч. отстаивал общинное землевладение не в абсолютной форме, а с учетом социально-экономической обстановки в Европе и России. К концу 1858 он сознавал, что в России нет нужных условий для того, чтобы община стала основой социалистического общества. Ему было даже «совестно вспоминать об общинном землевладении». Изменяя взгляд на общину, Ч. не изменил своего взгляда на крестьянскую революцию, считал, что она может быть преддверием социализма. Но он допускал, что она может кончиться с установлением капитала. общества.

Естественно, что смысл и значение литературной деятельности Ч. не ускользнули от бдительных глаз самодержавия: Ч. был под строгим полицейским наблюдением. Правительство однако действовало осторожно, боясь общественного возбуждения. Он арестовало Ч. 7 июля 1862 в связи с петербургскими пожарами. Юридическим поводом послужило перехваченное правительством письмо Герцена, в котором упоминалось имя Ч., и объявление в «Колоколе» с предложением издавать «Современник» в Лондоне. Ч. сидел в Петропавловской крепости. Осудили его на 7 лет каторжных работ в рудниках и на вечное поселение в Сибири с лишением всех прав состояния «за злоумышление к ниспровержению существующего порядка, за принятие мер к возмущению и за сочинение возмутительного воззвания „Барским крестьянам от их доброжелателей поклон“». 31 мая 1863 над ним был совершен на Мытинской площади в Петербурге обряд гражданской казни, а затем он был отправлен в Кадай, рудники Нерчинского округа, сидел в остроге при Александровском заводе, а по окончании срока каторжных работ по секретному предписанию свыше был поселен в Вильнюсе Иркутской области. Когда арестовали Ч., этому радовались не только мракобесы—рынные защитники самодержавия, к-рые благодарили III Отделение, но также и либералы. Кавелин, к-рого Ленин заслуженно называл «подлым либералом», писал: «Аресты меня не удивляют и, признаюсь, не кажутся мне возмутительными. Революционная партия считает пригодными все средства, чтобы ниспровергнуть правительство, а правительство защищается всеми средствами». Иначе конечно отнеслись к гибели Ч. револю-

ционная демократия—она понимала, какого великого человека, какого вождя она лишилась. Она пыталась всеми силами спасти Ч., вырвать его из когтей правительства, перебросить за границу, чтобы оттуда он мог руководить революционным движением. В 1872 и 1875 Лопатин, а затем Мышкин героически пытались освободить Ч., но оба раза попытка кончалась полной неудачей. В 1881 Александр II был казнен Народной волей. Испуганное правительство, заигрывая с обществом, разрешило Ч. вернуться в Россию. Поселили его сначала в Астрахани, потом разрешили переехать в Саратов. По возвращении из Сибири Ч. продолжал возобновить свою литературно-революционную деятельность, однако руководители тогдашних журналов («Вестник Европы», «Русская мысль», «Русские ведомости») не создали даже малейшей возможности для Ч. развивать свои мысли, и он вынужден был заниматься переводом Вебера, про которого писал: «С ученой точки зрения—книга Вебера дрянь». В ночь на 29 октября 1889 Ч. умер от кровоизлияния в мозг. Вплоть до революции 1905 имя Ч. было под запретом, собрание его сочинений появилось лишь в 1905—06.

Великое значение Ч. как ученого создавали такие гениальные вожди пролетарской революции, как Маркс, Энгельс, Ленин. Маркс внимательно ознакомился с работами Ч. и называл его «великим русским Ученым и критиком», мастерами осветившим «банкротство „буржуазной“ политической экономии» (М а р к с, Капитал, т. I, 8 изд. Послесловие ко 2 изд., стр. XIX). Энгельс также очень высоко ценил Ч. и находил, что историко-критическая школа в русской литературе (Добролюбов—Ч.) бесконечно превосходила все, что сказано в этом отношении официальной наукой Франции и Германии. Ч. и Добролюбов он называл социалистическими Лессингами и ставил их бесконечно выше Бакунина и многих других. Исключительную любовь к Ч. проявил и Владимир Ильич. Его он ценил как великого революционера и многие его суждения расценивал как «гениальные провидения». Не раз поднимались споры, кому принадлежит богатое идейное наследство Ч. К идейному наследству Ч. тянулось революционное народничество 70-х гг., тянулось к нему также народники 90-х гг., с.-р., трудовики, либералы, но не они наследники оставленного богатства. В этом богатстве они использовали слабые стороны Чернышевского, не понимая его «гениальных провидений». Ч. на целую голову стоял выше всех их. Они раздвигали буржуазный демократизм и утонизм Ч., не понимая, что для многих перед зарождением марксизма идеи Ч. «были путеводной звездой, ведущей именно к марксизму» [Н. Г. Чернышевский, 1828—1928 (Тезисы для докладчиков), Комиссия при президиуме ЦИК СССР, М., 1929, стр. 8]. В «Что делать?» Ленин так и писал: «пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский» (Соч., т. IV, стр. 381). В статье «От какого наследства мы отказываемся?» Ленин, объясняя беспощадную войну народникам 90-х гг., которые ошиблись взгляды Ч., подчеркивал, что русская социал-демократия не отказывается от наследства просветителей 60-х гг., имея в виду идейное наследство Ч. Ленин, в первую очередь останавливаясь на вопросе о развитии капитализма в России, писал: «„Ученики“ решают вопрос о капитализме

в России в смысле его прогрессивности и потому не только могут, но и должны целиком принять наследство просветителей, дополнив это наследство анализом противоречий капитализма с точки зрения бесхитрых производителей» (Ленин, Соч., т. II, стр. 331). Коснувшись ряда других вопросов, вытекающих из решения вопроса о капитализме, Ленин однако предупреждает, что хранить наследство—вовсе не значит еще ограничиваться наследством, и к защите общих идеалов европеизма «„ученики“ присоединяют анализ тех противоречий, которые заключает в себе наше капиталистическое развитие, и оценку этого развития с вышеуказанной специфической точки зрения» (Ленин, Соч., т. II, стр. 332). Словом, Ленин доказал, что наследство Ч. нашло свое дальнейшее развитие не у народников, а у идеологов рабочего класса.

Вал. Поллакский.

II. Ч.—философ.

В философии Ч. выступал как материалист и диалектик, прошедший школу Гегеля, но не смоавший, «в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (Ленин, Соч., т. XIII, стр. 295). Ч. «единственный действительно великий русский писатель, который сумел... остаться на уровне цельного философского материализма» (там же) и до конца бороться за свое материалистическое мировоззрение.

Последовательный диалектический материализм, доведенный «до верху», до осознания закономерностей развития человеческого общества, возможен лишь для пролетарского революционера. Ч. не был таковым, он был идеологом революционного крестьянства, поэтому и его философия органически не была способна освободиться от значительных элементов идеализма, антропологизма и механицизма, особенно в социально-политических вопросах.

Главными учителями Ч. в философии были французские материалисты 18 века и особенно Л. Фейербах. Но отсюда не следует, что материализм Ч. есть простое воспроизведение материализма Фейербаха. Не преодолев антропологизма и созерцательности Фейербаха, Ч. все-таки сделал некие шаги в сторону включения практики в теорию познания. В своей философии он несомненно проводил, хотя и недостаточно последовательно, принцип партийности. Связь философии с политической борьбой у Ч. несравненно сильнее, чем у Фейербаха. Ч. не отбрасывал вместе с идеализмом Гегеля гегелевской диалектики, как это делал Фейербах. Он понимал все значение ее и пытался проводить диалектический метод в своих работах, хотя по ряду причин оказался не в силах освоить его и до конца переработать Гегеля на материалистической основе.

Ч. усвоил основные принципы диалектического метода, идею вечного развития через противоречие, идею вечной смены форм до известной степени—историзм. Он воспринял гегелевскую критику формальной логики и требование всестороннего и конкретного изучения действительности. Неоднократно подчеркивал итоговый, завершающий характер гегелевской философии по отношению к предшествующему идеализму, источник поразительной силы гегелевской философии Ч. видел в диалектике. Историческое значение Гегеля состояло, по Чернышевскому, в том, что его диалектика наметила

переход «от отвлеченной науки к науке жизни». Однако как ни плодотворна была гегелевская диалектика, она не спасла его учения от крупнейших недочетов. По Ч., принципы Гегеля были чрезвычайно мощны и широки, выходы же узки и ничтожны. Корни этого противоречия Ч. правильно видел в идеализме Гегеля. Где только возможно, Ч. отмечал «односторонность отвлеченного идеализма» Гегеля, «абстрактную идеальность, доводившую до квиетизма и апатии», и «холодное созерцание». В то время как существо диалектики состоит в законе единства противоположностей, Ч. из всего конкретного содержания диалектики выдвигал лишь производные моменты этого единства: историзм, относительность и конкретность истины и пр. Даже провозглашенный Ч. постулат всестороннего исследования истины путем составления всех противоречивых утверждений о предмете остается в значительной мере лишь эвристическим принципом и не возвышается до подлинного вскрытия единства противоположностей. Не будучи подлинным диалектиком в основном принципиальном вопросе диалектики, Ч. не мог быть диалектиком и в частных вопросах, хотя отдельные стороны и моменты диалектического метода получили у него признание и высокую оценку.

Противопоставляя системе Гегеля материалистическую философию Фейербаха, Ч. всеми доступными ему средствами, насколько позволяли цензурные условия, пытался вынести широкому кругу читателей принципиальные основы и преимущества материализма над идеализмом. Он указывал на связь фейербаховства и по происхождению и по теоретическому содержанию с французской материалистической философией 18 века. Материализм Ч. был обусловлен его революционным демократизмом, подобно тому как и наиболее радикальные элементы германской революционной демократии пришли в своем философском развитии к материализму и через него, включившись в борьбу рабочего класса, в лице Маркса и Энгельса, дошли до диалектического материализма. В «Святом семействе» Маркс показывает связь между материализмом и социализмом и коммунизмом. «Не требуется большого остроумия, чтобы усмотреть связь между учением материализма о прирожденной склонности к добру, о равенстве умственных способностей людей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека, о высоком значении индустрии, о нравственном праве на наслаждение и т. д.—и коммунизмом и социализмом» (Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 160). Связь эту прекрасно видел и Ч.

Оценка, даваемая Ч. фейербаховской философии, во многом помогает выявить сущность собственных взглядов Ч. По Ч., превосходство Фейербаха над предшествующими материалистами состоит в том, что в отличие от предшественников вопрос об отношении мышления к бытию Фейербах ставит не абстрактно, но применительно к человеку—как конкретный вопрос об отношении человеческого мышления к человеческому же организму и его материальной основе. На деле, как указывал Маркс, Фейербах до конкретного рассмотрения человека как общественного существа не дошел и материализм его остался антропологическим, абстрактным. Не дошел до этого и Чернышевский, видевший в антропологизме Фейербаха высшую форму материализма.

Ч. считал, что эта антропологическая постановка общефилософской проблемы об отношении мышления к бытию создала для Фейербаха возможность связать общефилософский вопрос с новейшими данными естествознания и так. обр. впервые сделала философию строго научной. С принятием «антропологического принципа в философии» перестает, по Ч., смущать нас двойственность природы человека, на которую опираются учения идеалистов и дуалистов: «противоположность качеств» — «духовных» и «материальных» — оказывается ничуть не более непонятной, чем простое существование каких угодно физических качеств в материальном теле. Отстаивая всякую мысль о дуализме человека, материалистическая философия видит в нем то, что видят медицина, физиология, химия. По Ч., не существенно и различие между органическим и неорганическим сочетанием элементов. В этих исходных положениях учения Ч. о единстве материальной природы прозрачно выступает механистический характер материализма Ч.: устранив всякие следы дуализма и супранатурализма, Ч. не замечает диалектического характера самого процесса развития. По Ч., переходы от неорганического мира к органическому, а внутри последнего переходы от растительного мира — через животных — к человеку представляются как переходы чисто количественные, не сопровождаемые возникновением новых качественных структур. Ч. понимает, что различие это есть лишь различие между более простыми и более сложными комбинациями, «как будто различие между 2 и 200, — различие количественная, не больше» (там же). Выдвигая лишь количественную основу процессов развития, Ч. уделял мало внимания характеристике и объяснению качественной стороны развития: главное острое его полемики и пропаганды направилось против витализма и теорий, отрицавших единство материальной сущности жизни. Стоя в целом на точке зрения трансформизма, введенного в науку еще теорией Ламарка (см.), а также геологической теорией Лайеля (см.), Ч. холодно отнесся к появлению учения Дарвина (см. *Дарвин и дарвинизм*) об изменчивости видов путем естественного отбора. Основной причиной этой холодности к Дарвину было глубокое убеждение Ч. в буржуазном апологетическом характере дарвинизма. В учении Дарвина о борьбе за существование Ч. видел не столько естественно-научную теорию, сколько публицистическую доктрину, заимствованную от *Мальтуса* (см.) и лишь «приплетенную» к науке, на деле же «противоречащую всем житейским и научным знаниям» и непосредственно направленную на оправдание соц.-политич. строя бурж. об-ва (Полн. собр. соч., т. X, ч. 2, стр. 16—18).

Чисто количественные изменения образуют, по Ч., основу и для перехода от животных к человеку: с одной стороны, анализ показывает, что животные не лишены способности к прогрессу и к обучению, с другой — физиология человеческого организма есть лишь часть физиологии животных, а вся физиология в целом есть часть химии и относится к последней примерно так, как «история отечественная» к «истории всеобщей» («Антропологический принцип в философии»). Так. обр. антропология завершает собой все развитие науки и философии, какое антропологический принцип имеет для развития науки. С перенесением общефилософских вопросов из области философских систем

в область естествознания упраздняется сама собой старая философия с ее специальными подразделениями: логикой, эстетикой, этикой..., общественной философией и философией истории (Полн. собр. соч., т. X, ч. 2, стр. 195). Однако Ч. был далек от ликвидаторских по отношению к философии тенденций современного ему буржуазного позитивизма (см.) и беспринципного эмпиризма (см.). Он осуждал позицию буржуазного логика-эмпирика *Милля* (см.), который «намеренно уклоняется» от постановки принципиального философского вопроса об отношении мышления к бытию, а также усложняется «от высказывания всякого мнения о подобных предметах, как будто считая их недоступными точному исследованию». Но и специалисты-естествоиспытатели поступают не лучше, чем *Милль*, когда, не зная философии, приступают к построению всеобъемлющих научных синтезов. Вообразив себя строителями универсальных теорий, они на деле «остаются учениками и обыкновенно слабыми учениками старинных мыслителей, создавших метафизические системы», давно уже разрушенные «отчасти Шеллингом и окончательно Гегелем» (Полн. собр. соч., т. X, стр. 195 и 196). В последние годы своей жизни Чернышевский был свидетелем быстрого развития и распространения среди естествоиспытателей идей неокантианства (см.). В небольшой статье — «Характер человеческого знания» (1885) — Ч. с редкой силой критического дара сводит различные оттенки неокантианства, обнаружившиеся в выступлениях Вихрева, Дюбуа-Реймона и др., к агностицизму и бичует их идеализм и несостоятельность.

В борьбе против неокантианства Ч. отвергает кантовский агностицизм и субъективизм, критикует кантовский разрыв между ощущением и познанием, субъектом и объектом, критикует неумение вывести познание из объективного источника. Ч. разоблачает непоследовательность тех, кто утверждает непознаваемость внешнего мира. Он справедливо указывает, что это учение должно вести к отрицанию реальности человеческого тела, к солипсизму. Ч. называет это учение иллюзионизмом.

«Для Чернышевского, как и для всякого материалиста, — говорит Ленин, — предметы, то есть... „вещи в себе“, действительно существуют и вполне познаваемы для нас» (Ленин, Соч., т. XIII, стр. 291). формы наших чувственных восприятий и законы мышления отражают формы, закономерности объективно существующих вещей, т. е. имеют объективное значение. Таким образом Ч. правильно разрешает основной вопрос философии, вопрос об отношении бытия к мышлению. В этих вопросах, — говорит Ленин, — «Чернышевский стоит вполне на уровне Энгельса» (там же).

Ч. стоит выше Фейербаха также в вопросе о роли практики в теории познания и о партийности философии. Уже в обосновании Ч. антропологического принципа философии постоянно обнаруживается социально-политическая целеустремленность его общефилософских воззрений: в критике дарвинизма с его апологетикой борьбы за существование, в критике теории рас, отрицающей равенство по природе всех людей, независимо от их расовых и национальных различий. Ч. самую антропологическую философию рассматривал лишь как теоретическую базу социалистического учения, на точке зрения которого он стоял и осуществление к-рого составляло непосредственную

заветную цель всех его теоретических исследований.

«„Практика“,—говорит Ч.,—этот непреложный пробный камень всякой теории, должна быть руководящей нашей и здесь» (Полн. собр. соч., т. X, ч. 2, стр. 173). При этом практика выступает у Ч. как критерий не только в вопросах собственно практических, но и в вопросах, которые кажутся достоянием одной лишь теории: «Практика—великая разоблачительница обманов и самообольщений не только в практических делах, но также в делах чувства и мысли. Потому-то в науке ныне принята она существенным критерием всех спорных пунктов. „Что подлежит спору в теории, на чистоту решается практикой действительной жизни“» (там же, стр. 174). Ч. указывает, что в условиях России 50—60-х гг. академические заявления философий, оторванные от общественной борьбы и общественной действительности, не могут и не должны иметь места. Но Ч. не поднялся до марксистского понимания практики. Если он и говорит о практике как о критерии истины, то он все еще не понимает роли практики как источника, основы познания. Так же не понимает Чернышевский и исторического и производственного характера практики.

Как политический деятель Ч. был глубоко партийным человеком: и в науке и в философии он всегда вскрывал их партийность. Ч. показывал напр., что была философия немецкого идеализма обнаруживает свою связь с сословными интересами. Так, Кант принадлежал к той партии, которая хотела водворить в Германии свободу революционным путем, но боялась террора. Фихте пошел несколькими шагами дальше: он не боялся и террористических средств. Шеллинг—представитель партии, запуганной революцией, искавшей спокойствия в средневековых учреждениях, желавшей восстановить феодальное государство, разрушенное в Германии Наполеоном. Гегель—умеренный либерал, чрезвычайно консервативный в своих выводах, но выдвигавший для борьбы против крайней реакции революционные принципы, в то же время стремясь использовать революционный дух лишь для испровержения слишком ветхой старины и не допустить его развития за эти рамки. По мысли Ч., одна из основных ошибок обычной трактовки истории философии состояла в том, что в развитии философии видели лишь логическую последовательность философских систем источников к-рых в общественной жизни оставались невыясненными. Ч. показал, что в философских и естественных науках отражается борьба классов и партий.

Ч. из своей философии делал определенные политические выводы. Опираясь в них и на материализм и на гегелевскую диалектику, он утверждал, что «разумные» начала социально-политической жизни должны быть, несмотря на существующие препятствия, осуществлены в действительности. В действительной и двусмысленной формуле Гегеля—«все действительное разумно», «все разумное действительно»—Ч. отбрасывал первое положение и принимал второе в том революционном его смысле, который заставлял Герцена видеть в этой формуле «алгебру революции».

Но отсюда нельзя сделать вывод, что Ч. понимал партийность философии в марксистско-ленинском смысле: и здесь сказывается совре-

дательный характер его материализма. Он хорошо понимал, что наука и философия отражают борьбу партий. Но в несравненно меньшей степени он понимал действительное значение ее. Правда, Ч. неоднократно говорил о практическом применении теории в революционной борьбе. Но понимал он под этим преимущественно просветительские задачи, а не действительное использование теории в качестве оружия классовой борьбы.

Крупную роль в философии Ч. играет его учение об этике. Продолжая традицию этики механистического материализма—Гоббса, Спинозы и Гельвеция,—Ч. пытался объяснить все многообразие человеческих действий, а также вывести нормы, к-рыми эти действия должны определяться, из естественного эгоизма, укорененного в самой природе человека; но Ч., внимательное исследование побуждений, руководимых людьми, показывает, что все поступки людей—хорошие и дурные, благородные и низкие, геройские и малодушные—происходят из одного источника—из эгоистического расчета, повелевающего отказываться от меньшей выгоды или меньшего удовольствия ради большей выгоды или большего удовольствия. В основе нравственных оценок человеческих действий может лежать только отнесение этих действий к предполагаемой от них пользе для субъекта этической оценки. Но так как человек общественное существо, то индивидуальный интерес должен смыкаться с общественным. В то время как индивид называет добрыми поступками дела других людей, к-рые полезны для него, в общественном мнении добром признается то, что полезно для всего общества или для большинства его членов. Теория естественного эгоизма играла в свое время революционную роль, разрушая идеалистическое понятие абсолютной и непреложной морали и тем более богословское понятие морали, основанное на религии. Эта теория развивалась буржуазией в период ее борьбы с феодализмом в 17 и 18 вв., высшего развития достигла у французских материалистов 18 века, особенно у Гельвеция (см.). Эти этические взгляды материалистов, натуралистические по существу своему, непосредственно определялись их материализмом. Но буржуазия могла признать теорию естественного эгоизма лишь в ту пору, когда она была революционной, ибо как-раз эти положения и обосновывали социалистические тенденции материализма, о к-рых писал Маркс: «Если человек черпает все свои знания, ощущения и проч. из чувственного мира и опыта, получаемого от этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек познавал в нем истинно-человеческое, чтобы он принимал в нем воспитывать в себе человеческие свойства. Если правильно понятий интерес составляет принцип всякой морали, то надо, стало быть, стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами... надо «уничтожить антиобщественные источники преступления и предоставить каждому необходимый общественный простор для его существующих жизненных проявлений» (Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 160). Поэтому буржуазия, став господствующим классом, отбросила и материализм и вместе с ним теорию естественного эгоизма в прежнем ее содержании, заменив ее пошлым и вульгарным утилитаризмом (см.). Эта идея переходит к

идеологам мелкобуржуазного социализма—социалистам-утопистам, одним из последних (по времени) представителей которых и был Ч. Маркс на место личного и абстрактно общественного интереса французских материалистов и социалистов-утопистов поставил классовый интерес и дал исчерпывающее историко-материалистическое истолкование морали. Ч. до этого не смог подняться. В. Асмус, Я. Големченко.

III. Ч.—экономист.

Ч. был глубоким знатком экономической теории и ее развития. Он не только знал главнейших ее представителей на Западе и в России и не только был знаком с основными течениями социалистической мысли, но сумел критически оценить и тех и других и сделал несомненные шаги вперед в направлении к научному социализму. Однако несмотря на это Ч. остался в основном на позициях утопического социализма.

«Он был замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм»,—пишет о нем Ленин (Соч., т. XVII, стр. 342). Экономические взгляды Ч. складывались на путях изучения и преодоления им буржуазной политической экономии и философии и критического освоения социалистических идей. В этом смысле его путь был тем же путем, по которому шел и Маркс. Но в то время как Маркс поднял социалистическую критику капиталистического общества на ступень научного социализма, оперирующего в анализе общественных явлений методом диалектического материализма, и создал политическую экономии пролетариата, Ч. остался просветителем-феербрихianцем, не сумевшим расквитаться с идеалистическим пониманием общественного развития, утопическим социализмом, «мечтающим... о переходе к социализму через старую полупфеодальную крестьянскую общину» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 144).

Утопический характер воззрений Ч. выявился уже на его отношении к русской общине. Ч. рассчитывал на возможность некапиталистического пути развития на основе сохранения, укрепления и развития общинной формы землевладения. Правда, Ч. отнюдь не идеализировал той конкретной крепостной общины, которая была лицом в его время; еще менее можно его упрекать в идеализации общины прежнего времени. Ч. был несомненно далек от славянофильской идеализации общины. «Нечего нам считать общинное владение особенною прирожденною чертою нашей национальности, а надобно смотреть на него как на общечеловеческую принадлежность известного периода в жизни каждого народа. Сохранением этого остатка первобытной древности гордиться нам тоже нечего, как вообще никому не следует гордиться какою бы то ни было стариною, потому что сохранение старины свидетельствует только о медленности и вялости исторического развития» («Критика философских предубеждений против общинного владения», Полн. собр. соч., т. IV, стр. 308).

Но все же Ч. думал, что раскрепощенная, освобожденная от пережитков «азиатства», т. е. от административно-фискального гнета, предоставленная своему собственному развитию община может послужить ступенью к социализму и охранить от «языв пролетариатства». Ч. в ряде статей обосновывает возможность непосредственного перехода от существующей об-

щины к социалистическим формам производства. Правда, осуществление социалистического общества Ч. предполагал не ранее, чем через 100—150 лет, но сохранение общинного землевладения понималось им как условие, обеспечивающее более безболезненный переход к общественному производству, основанному на коллективном владении и труде. Община рисовалась ему учреждением, поддерживающим и воспитывающим в народе дух ассоциации, необходимый для организаторов социалистического общества.

«Экономическая история движется к развитию принципа товарищества» (Полн. собр. соч., т. VII, стр. 539). Развитие социалистического движения на Западе идет в направлении к коллективистическим формам производства, но там социализм рассматривается как утопия; психология частной собственности создает там огромное препятствие для усвоения социалистических идей.

Но «то, что представляется утопией в одной стране, существует в другой, как факт». Ч. настаивал на том, что так как «мы видим печальные последствия разрушения общины на Западе, то мы должны сохранить общину в России». Ч. оспаривал тот взгляд ученых, по которому общинное землевладение свойственно только варварскому дикому состоянию народа. Он аргументировал учением Гегеля о триаде, по которой третья конечная фаза в развитии всякого данного явления по своей форме похожа на первую. Ч. аргументировал необходимость общинного владения землей его большей рациональностью, соответствием требованиям экономической теории. «Общинное владение представляется нужным не только для благосостояния земледельческого класса, но и для успехов самого земледелия: оно оказывается единственным разумным и полным средством соединить выгоду земледельца с улучшением земли и методы производства с добросовестным исполнением работы» (Полн. собр. соч., т. IV, стр. 322). Свойственный утопическому социализму рационализм выявляется в этом рассуждении в полной мере.

Однако Ч. сугубо подчеркивал условность своей защиты общинного землевладения. Общинное землевладение «получает смысл только тогда, когда уже даны другие низшие гарантии благосостояния, нужные для доставления его действию простора. Такими гарантиями должны считаться два условия. Во-первых, принадлежность ренты тем самым лицам, которые участвуют в общинном владении. Но этого еще мало. Надобно также заметить, что рента только тогда серьезно заслуживает своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими из самого ее получения» (Полн. собр. соч., т. IV, стр. 306).

Ч. не подчеркивал вначале этого условного характера своей защиты общины. Это давало возможность смешивать его с реакционерами, защищавшими крепостную общину, и это заставляло его говорить в статье «О философских предубеждениях» о стыде и раскаянии в этой своей безудельной защите ее.

Необходимо тут же подчеркнуть, что Ч., защищая принцип общинного землевладения, отнюдь не исключал и даже, наоборот, подчеркивал возможность сочетания его с развитием производительных сил, с развитием техники. Ч. ставил развитие сельского хозяйства в России

в связь с развитием промышленности, торговли и ж.-д. транспорта в России, с проникновением в него машин. Он говорил о предстоящей перспективе механизации с. х-ва, о преимуществах крупного сельского производства. Его с.-х. коллективы будущего—крупные производственные единицы, вновь объединяющие в своей среде промышленность с земледелием. Община, вставая в будущее, наполняется новым, социалистическим содержанием. Ч. не понимал т. о. неизбежности разложения общины при развитии капиталистических производственных отношений.

В этой защите общины нельзя не видеть отражения отсталости окружавшей Ч. экономической действительности, но раскрывшей на тех первичных ступенях развития капитализма противоречий, характеризующих 60-е гг.

Констатируя развитие капитализма в России, Ч. признавал его прогрессивность по сравнению с предыдущими формациями. Он видел в этом пути развития несомненное продвижение вперед и в области просвещения и науки и в области законности и правосудия, но наряду с этим он видел также неизбежность возникновения новых устремлений, «новых идей о союзоном пользовании и производстве между людьми», т. е. социализма. Ч. прямо говорит: «То, чтобы все наши земледельцы имели поземельную собственность,—вот основное наше желание; предпочтение общинного владения безграничному расширению частной поземельной собственности основывается для нас относительно настоящего и ближайшего будущего преимущественно на том, что общинное владение представляется нам единственным средством сохранить каждого поселянина-хозяина в звании поземельного собственника. Через тридцать или двадцать пять лет общинное владение будет доставлять нашим поселанам другую, еще более важную выгоду, открывая им чрезвычайно легкую возможность к составлению земельных товариществ для обработки земли» («Ответ на замечание г. провинциала», Полн. собр. соч., том IV, стр. 95).

В этом развитии земельных товариществ, а также промышленных ассоциаций видел Ч. главный путь экономического развития в направлении к социализму. Он готов видеть и в самом развитии капитализма элементы, действующие этому движению к социализму: «Число пролетариев все увеличивается и, главное, возрастает их сознание о своих силах и проясняется их понятие о своих потребностях» (Полн. собр. соч., т. III, стр. 455, ст. «О поземельной собственности»). Ч. хорошо понимал разницу между пролетариатом и просто бедняком: «Бедняк просто—человек, у которого средства к жизни скудные, а пролетарий—человек, не имеющий собственности», но все же в качестве носителя социалистических идей Ч. растворяет его в общем понятии простолюдина—демократизм и социализм у него существуют еще в слитном состоянии, отражая неразвитость классовых и политических группировок той эпохи (60-х годов). Последовательный демократический переворот рисовался ему непосредственно связанным с социалистическим содержанием.

Дальнейшее развитие экономики России Ч. усматривал т. о. не на путях раскрытия внутренних противоречий капиталистического способа производства и классовой борьбы пролетариата с капиталом, а путем накопления внеш-

них по отношению к капитализму, чуждых ему и отрицающих его общинных, коллективистических навыков, путем сохранения и развития общинных форм земледелия и труда в деревне и организации производственных ассоциаций в городах. Очевидное преимущество коллективных форм труда должно мобилизовать массы для революционной борьбы за социалистическое переустройство общества, для борьбы за «свержение всех старых властей». Экономическая система Ч. проникнута боевым классовым духом и направлена своим острием против буржуазных апологетических систем. Ч. дает чрезвычайно яркие критические характеристики различных буржуазных школ, вскрывая их классовую подоплеку. Он связывает экономическую систему меркантилистов с общей системой феодализма, с господством класса крупных землевладельцев-феодалов.

При анализе учений физиократической школы он тонко подмечает в них влияние нарождающихся капиталистических форм производства, несущих «торжество среднего сословия в земледелии и торговле».

Наибольшее влияние на формирование экономических воззрений Ч. несомненно имела классическая школа политической экономии. Но Ч. была совершенно ясна классовая обусловленность воззрений этой школы. Он прямо заявлял: «Эта теория выражает взгляд и интересы капиталистов, ведущих промышленные и торговые дела и отчасти уже сделавшихся владельцами недвижимой собственности. Ч. вскрывает неисторичность и буржуазную ограниченность кругозора А. Смита и его последователей, «не умевших представить себе систему быта, которая была бы выше трехчленного деления продукта между тремя различными сословиями» (Полн. собр. соч., т. VII, стр. 492). Ч. отмечает внутреннюю противоречивость системы Смита—Рикардо, «соответствующей экономическому положению среднего сословия» и в то же время пропагандирующей учение о том, что «всякая ценность создается трудом и что самый капитал есть произведение труда»... Если так.—говорит Ч.,—то труд должен быть единственным владельцем производительных ценностей. Однако классическая школа этого вывода не делала, и Ч. понимает, почему классическая школа этого вывода не делала и почему она не замечала своих противоречий.

«Адаму Смиту тем легче было не предвидеть логических последствий найденного им принципа, что в те времена у сословия, которому принадлежит труд, не было ни в Англии, ни во Франции, никаких стремлений к самостоятельному историческому действию и оно было в тесном союзе с средним сословием, с владельцами оборотного капитала, пользовавшимися помощью простолюдинов для своей борьбы с высшим сословием» («Капитал и труд», Полн. собр. соч., т. VI, стр. 28—29). Ч. подчеркивал т. о., что во времена классической школы противоречия классовых интересов между капиталом и трудом, их антагонистичность, непримиримость и неизбежность самой классовой борьбы между ними еще не были выявлены с достаточной четкостью.

Развивая свои экономические воззрения, Ч. придавал им вид как бы дальнейшего развития учения классиков, виды в них последние достижения буржуазной науки, хотя по существу он в ряде отдельных положений делает определенные шаги вперед по сравнению с классиче-

ской политической экономией. Он видел в ней способность вскрывать факты действительности, незамазанные и нескрывая их. Другое дело вульгарная политическая экономия: она насквозь апологетична, фальсифицирует факты, имея одну задачу «предохранить» своих читателей от «коммунистической заразы».

Развертывавшийся в России 60-х гг. классовая борьба между буржуазно-помещичьим блоком и революционной демократией, представлявшей интересы крестьянских масс, создавала чрезвычайно благоприятную почву для оживления русской экономической теоретической мысли. Естественно, что в обстановке нарастающей классовой борьбы русская буржуазная экономическая теория сразу же оформилась как апологетическая, откровенно защищающая интересы крупного землевладения и капитала, занимаясь пропагандой идей вульгарной экономики. Сэй сменил Смита; последний оказался в глазах помещиков и буржуазии недостаточно благонадежным.

Революционная демократия в лице Ч. сделала со своей стороны попытку теоретического обособления от буржуазной экономики и оформления своих собственных позиций. Но в своих теоретических построениях Ч. отразил всю неразвитость переживаемого русской экономикой этапа капиталистических производственных отношений. По утверждению Ленина Ч. являлся представителем «старого русского крестьянского социализма». Именно этой классовой позицией обусловлены слабые и сильные стороны экономической системы Ч. Взявшись за создание экономической теории трудящихся, Ч. берет за исходную точку экономическую теорию, разработанную «средним сословием» в лице классиков Смита и Рикардо, с тем, чтобы, очистив ее от всех извращений вульгарных экономистов, пополнить выводами, к-рые сделали социалисты-утописты, и перестроить «сообразно потребностям нового, простонародного элемента жизни и мысли, ибо «простотолуины находят, что для прочного улучшения их состояния нужны вещи, которые не нужны среднему сословию, которые во многом даже несовместны с выгодами среднего сословия» (Полн. собр. соч., т. VII, стр. 30).

Несомненно огромное влияние, к-рое оказали на Ч. учения социалистов-утопистов, особенно Фурье, Оуэна, Луи Блана. Но и по отношению к утопическим социалистам Ч. также сохранил свои критические позиции, хотя и дал высокую оценку, считая их крупнейшими и оригинальными мыслителями. Ч. видел бессилье их социалистической критики буржуазной экономической теории и беспочвенность их собственных экономических построений. Основным недостатком всех социалистов-утопистов Ч. считал игнорирование социалистами-утопистами движения самих масс. Он в противовес им ждал успеха социалистических идей оттого, что они стали «доходить до людей, у которых бывают уже не восторженные забавы, а делом собственной надобности; а когда станет рассудительно заботиться о своем благосостоянии тот класс, с которым хотели играть кукольную комедию сен-симонисты, тогда вероятно будет лучше ему жить па свете, чем теперь» (Полн. собр. соч., т. VI, стр. 150).

Цель, которую преследовал Ч. в «политической экономии трудящихся», заключалась в том, чтобы, критикуя капиталистический строй, показать вредное влияние капитализма для

интересов трудящихся, его убыточность для общества в целом, а также выявить основные черты нового социалистического общественно-го уклада, соответствующего требованиям «здоровой» экономической теории. Для Ч. экономическая теория — наука нормативная, дающая директивы для поведения, своего рода социальная гигиена. Он называет экономическую науку «медициной экономического быта». Ч. переходит на позиции «должного», здесь и вскрываются корни утопизма Ч. Но не в самом факте морального осуждения капиталистического строя утопизм Ч., а в подмене этим моральным осуждением анализа действительности; в суждении о капиталистическом строе не с классовых позиций, а с высот «вечных», присущих «природе» человека принципов.

Для Ч. основной проблемой теоретической экономики является распределение. Концентрация внимания на проблеме распределения наложила свой отпечаток на всю экономическую теорию Ч. Самый процесс производства он понимал преимущественно как технический процесс взаимоотношений между человеком и природой. Социальный характер присущ только распределительным отношениям; только здесь, по мнению Ч., мы имеем реакцию противоположность интересов различных классов общества; именно здесь раскрывает свое противоречивое существование капиталистический строй, как основанный на 3-членной системе распределения. В этом предпочтении распределительных отношений и смазывании решающей роли отношений производства скрывается непростительский и вместе с тем ненаучный характер социалистических воззрений Чернышевского, влияние на него таких мелкобуржуазных писателей, как Сисмонди, отчасти Прудон, а также работ ранних социалистов-утопистов. Показателем рационалистических элементов в мировоззрении Ч. является метод анализа экономических явлений, к-рым он пользуется. Констатируя те или иные факты и их закономерность, характерные для капиталистического общества, Ч. каждый раз спрашивает себя, какова была бы их судьба в условиях предполагаемого социалистического строя. В связи с этим предположительными условиями Ч. развешивает свои рассуждения об искусственности или естественности экономических явлений, об их выгоды или убыточности. Поэтому свой метод исследования Чернышевский называет «гипотетическим».

«Этот метод состоит в том, что когда нам нужно определить характер известного элемента, мы должны на время отлагать в сторону запутанные задачи и приискивать такие задачи, в к-рых интересующий нас элемент обнаружил бы свой характер самым несомненным образом... На области исторических событий мы должны перенестись в область отвлеченного мышления, которое вместо статистических данных, представляемых историей, действует над отвлеченными цифрами, значение которых условно, и которые назначаются просто по удобству... Лишь только мы произвели такое простейшее построение вопроса, решение становится столь просто и бесспорно, что может быть легко отыскано каждым, и не может быть очень опровергнуто никем и ничем... Эти выводы сохраняют свою совершенную бесспорность, полную математическую достоверность, хотя цифры брались нами просто „по предположению“, просто сопровождались словом „предположим“. По этому

термину „предположение“, „гипотеза“, самый метод называется гипотетическим» (Полн. собр. соч., т. VII, стр. 56 и 57).

В силу этого метод Ч. антиисторичен, несмотря на то, что Чернышевский постоянно доказывает временный характер капиталистического строя.

В своей «политической экономии трудящихся» от имени науки Ч. присуждает капиталистический строй к смерти, но не потому, что капиталистические производственные отношения в дальнейшем своем развитии становятся оковами производственных сил и только в революционном взрыве сменяются новой социалистической организацией общества, а потому, что капитализм извращает естественные законы хозяйственной жизни, являясь вредным для трудящихся и убыточным. Он должен быть заменен новым, более совершенным, более разумным общественным строем — социализмом. В самой постановке вопроса о смене общественных формаций Ч. показывает себя утопистом, оперирующим при анализе развития общественных явлений не с понятиями необходимости и закономерности, а с понятиями разумного и должного.

Характеризуя социалистическую систему производства как основанную прямо на потребностях производителя, Ч. противопоставляет ей капитализм, основанный на обмене. По общественный строй, основанный на обмене, исторически переходящий, а потому и учение о стоимости (по терминологии Ч. «ценности») для его системы политической экономии не является стержневым вопросом. Подчеркивая необходимость понятия меновой ценности при нынешней системе распределения, где главную роль играет обмен, он противопоставляет ей социализм, где основное значение имеет внутренняя ценность. При социализме стоимость производства и меновая ценность предметов, по мнению Ч., совпадает с их внутренней ценностью. Ч. ищет «общую норму ценностей», которая могла бы их измерять... «прочным образом». Он считает, что «основным элементом для сравнения разных экономических состояний должна быть успешность труда». Мы видим здесь, как Ч. вплотную подходит к разрешению вопроса о трудовой стоимости в духе Маркса, но не умеет довести свой анализ до конца.

Еще менее удачен анализ категории «капитал». Капиталом Ч. называет «те продукты труда, которые служат средствами для нового производства», лишая этим определением категорию капитала ее общественного характера, подменяя его чисто натуралистическим техническим определением. Тем самым он преградил себе путь к пониманию общественного содержания капитала. Этим самым он до чрезвычайности суживает понятие капитала и совершенно игнорирует его классовый эксплуататорский характер, да он и не ставит себе этой задачи, капитал у него лишен всякой исторической определенности. Для Ч. первой заботой было разделиться с ошибочными воззрениями на капитал меркантилистов. Своим «научным» определением капитала он прежде всего хочет показать, что капитал не деньги. В дальнейшем своем анализе Ч. сводит капитал к труду и затем провозглашает необходимость объединения в одних хозяйских руках капитала и труда, стремясь показать противоестественность их разъединения. Оглядь вместо анализа — мораль. Отмечая, что характерной чертой капиталистического об-

щества является превращение труда в товар, Ч. все же заключительного вывода о «рабочей силе — товаре» не смог сделать и закрыл себе всякую возможность понять происхождение прибавочной стоимости как общественной формы капиталистической эксплуатации.

Не поняв прибавочной стоимости в ее непосредственной связи с трудовой стоимостью, Ч. не смог естественно понять и превращения прибавочной стоимости в капитал. Самое определение капитала, как мы уже отметили, у него свелось к накопленным «продуктам, необходимым для нового производства». В характеристике земельной ренты Ч. в основном придерживается учения о ренте Рикардо; Ч. нащупывал и факт существования отличной от рикардовской дифференциальной ренты и еще ренты худшего участка — абсолютной ренты. В этом вопросе Ч. сумел подняться в своем понимании капиталистической действительности выше классиков.

Ч. с большой остротой и силой критикует Кэри и Бастиа, утверждающих, что земельная рента является вознаграждением за труд и капитал, вложенный в землю, и что она с течением времени все понижается. Чернышевский указывает на прямую противоположность интересов между капиталистами и наемными рабочими, а также между ними обоими и землевладельцами и неизбежность между ними классово-вой борьбы.

Крупнейший интерес представляет критика Ч. учения Мальтуса о народонаселении. В своем анализе теорий Мальтуса Ч. пришел «к результату, противоположному выводу, какие делал из своей теории Мальтус». Ч. считает, что действительно пока существует капиталистическое общество «остаются в полной силе действия над обществом... выводы Мальтусовой теории», и поэтому, говорит он, людям следует думать «о том, не могут ли быть отношения между людьми устроены так, чтобы соответствовать потребностям человеческой природы» (Полн. собрание соч., т. VII, стр. 303). Так, Ч. в противовес Мальтусу устанавливал истинные причины бедноты в несовершенном общественном устройстве, в условиях капитализма.

Ч. вскрывал и политический мотив, разнимо-ваемый Мальтусом в его исследовании, его основную реакционную цель — найти аргументы против радикальных теорий, ради чего он и начал свое исследование.

Мы видим т. о., что Ч. при общих своих методологических установках, подсказанных ему его общим мировоззрением «крестьянского социализма», не мог разрешить задачи построения, лишенной внутренних противоречий экономической системы. Такую систему мог создать только представитель класса наемных рабочих, класса носителя принципиально новых производственных отношений, нового способа производства.

Почти во всех основных проблемах экономической теории самостоятельная и глубокая мысль Ч. нащупывала правильные пути для их разрешения, но останавливалась на полпути, не доведя анализа до конца. Позднее, будучи в сибирской ссылке, Ч. читал Маркса, но не понял его, не сумел увидеть в его произведении разрешение тех проблем, над которыми он сам бился и перед к-рыми он сам был вынужден отступить. Пролетарская классовая теория Маркса не была усвоена Ч. Он не понимал всего значения рабочего класса в деле социалистического преобразования общества.

Он не мог этого понять, ограниченный узким кругозором крестьянского утопического социализма.

И все же, несмотря на незавершенность своего анализа капиталистического способа производства, Ч. дал яркую и меткую критику этого последнего и вложил в дело оформления антикапиталистической революционной научно-социалистической пролетарской теории свою лепту. Значение этого вклада огромно. Ч.-экономист, Ч.-революционер Ч.-социалист—вошли в пантеон предшественников марксо-ленинской экономической теории вполне по заслугам.

Известна высокая оценка экономических работ Чернышевского, которую дал К. Маркс в своем послесловии ко 2 изданию I тома «Капитала», где он характеризует Ч. как «великого русского ученого», к-рый «в своих „Очерках политической экономии по Миллю“... мастерски выяснил... банкротство „буржуазной“ политической экономии». По свидетельству Г.А. Лопатина, Маркс не раз говорил ему, что «из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем, как остальные суть только простые компиляторы, что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли, и что они представляют единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения» (Письмо к Синельникову от 1873). Чрезвычайный интерес представляют для нас и те заметки, к-рые сделал Маркс на тексте «Примечаний к Миллю» Ч. при их изучении.

Заметки эти прежде всего свидетельствуют о глубокой внимательности, с к-рой Маркс прочитывал работы Ч. Мы знаем, что Маркс для того, чтобы иметь возможность пользоваться русскими материалами в подлинниках, специально изучил русский язык. И вот Маркс при чтении Ч. вносит попутно даже чисто корректурные поправки: «подобно англичанам» вместо «подобно англичан» или «ограничительными» вместо «ограниченными» и т.д. Внимательно изучая книгу Ч., Маркс делал многочисленные подчеркивания отдельных мест текста, ставил вопросительные и восклицательные знаки; в небольшом количестве Маркс дал и текстовые пометки.

От Маркса конечно не могли ускользнуть характерные для всего мировоззрения Ч. двойственность и внутренняя противоречивость, отражающие противоречия эпохи в целом и противоречивость позиции того класса (крестьянства), представителем интересов к-рого является Ч. Мы встречаем у Маркса ряд резких критических замечаний на отдельные высказывания Ч.: «Чернышевский понятия не имеет о капиталистическом способе производства», «глупо», «дитя», «какое заблуждение». С другой стороны, некоторые мысли Ч. вызывают у Маркса определенную положительную оценку: «хорошо», «браво» и т.д.

Все эти пометки Маркса требуют самостоятельного изучения; они несомненно помогут глубже понять экономические взгляды Ч., различить в них элементы утопизма от здоровых материалистических положений, к-рые помогали Ч. сделать крупный шаг вперед на пути к научному социализму, преодолеть вулгарные взгляды экономистов-апологетов. Маркс был знаком с большинством экономических работ Ч. и предполагал использовать их при подготовке к печати 2 тома «Капитала». Н. Удалцов.

IV. Ч.—историк и политик.

Историко-политические взгляды Ч. сложились, с одной стороны, под влиянием классовой борьбы в России в эпоху отмены крепостного права, в этом смысле Ч.—продукт бурной эпохи 40-х гг., с другой—под влиянием опыта европейских революций 1848 и изучения французских историков эпохи Реставрации, гл. обр. Гизо, затем сен-симонистов и Луи Блана. Историю восприимчивый опыт европейской классовой борьбы помог Ч. по-революционному подойти к оценке тогдашней России, а непосредственно переживавший русский опыт помог глубоко проникнуть в политические и классовые отношения европейского Запада второй трети 19 в. Вот почему «от его сочинений веет духом классовой борьбы» (Ленин).

В вопросах методологии истории и в оценке европейских событий эпохи Реставрации и Июльской монархии на Ч. большое влияние оказали упомянутые французские историки. Но, оставаясь в основном социалистом-утопистом, Ч. во многом критически относился к своим европейским предшественникам и в области истории; классовое чутье подлинного революционера-демократа помогло ему стать значительно выше своих предшественников и учителей.

Чернышевский усвоил, углубил и развил идею закономерности исторического процесса. Он понимал, хотя и неточно формулировал закономерность и историческую обусловленность сменяющих друг друга общественных формаций. «Совершение великих мировых событий,—писал он,—не зависит ни от чьей воли, ни от какой личности. Они совершаются по закону, столь же непреложному, как закон тяготения или органического возрастания». Ч. понимал также, что осуществимость общественных идеалов определяется реальными отношениями социальной действительности. «Серьезное значение имеют только те желания, которые основанием своим имеют действительность; успеха можно ожидать только в тех надеждах, которые возбуждаются действительностью, и только в тех делах, которые совершаются при помощи сил и обстоятельств, представляемых ею» (Полн. собр. соч., т. II, стр. 206). Большое значение придавал Ч. так наз. экономическому фактору в истории. Он упрекал историков в том, что они мало и неудовлетворительно говорят «о материальных условиях быта, играющих едва ли не первую роль в жизни, составляющих коренную причину почти всех явлений, и в других высших сферах жизни...» (там же, т. II, стр. 409). Самое развитие идей, и не только политических, но даже философских, Ч. пытался вывести из экономических и классовых отношений. «Политические теории, да и всякие вообще философские учения создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, борющихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ... философские системы насквозь проникнуты духом тех политических партий, к которым принадлежали авторы систем. Говорить, будто бы не было и прежде всегда того же, что теперь, говорить, будто бы только теперь философы стали писать свои системы под влиянием политических убеждений—это чрезвычайная наивность, а еще наивнее выражать такую мысль о тех

мыслителях, которые занимались в особенности политическим отделом философской науки» (Полн. собрание соч., т. VI, стр. 180). Но эти гениальные проблески материалистического понимания истории не проводились Ч. последовательно и чередовались с самым типичным историческим идеализмом. Для Ч. «прогресс основывается на умственном развитии; коренная сторона его прямо и состоит в успехах и развитии знаний... основная сила прогресса — наука; успехи прогресса соразмерны степени совершенства и степени распространности знаний. Вот что такое прогресс — результат знания» (Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 158). В письме к Некрасову от 24/IX 1856 Ч. признавал, что в своей статье о Лессинге он «литературу немецкую показывает как двигательницу государственной жизни». Здесь Ч., увлеченный той ролью, какую, по его мнению, должна была бы играть передовая, радикальная русская журналистика, становился на путь чистого «просветительства», весьма далекого от материалистического понимания истории. Впрочем позднее, уже в Петропавловской крепости, в заметках по поводу «Введения в историю 19-го века» Гервинуса Ч. считал нужным дополнить основную идею Бокля о роли знания в истории «политико-экономическим принципом, по которому и умственное развитие, как политическое и всякое другое, зависит от обстоятельств экономического жизни» («Н. Г. Чернышевский», сб. ..., изд-во Политкаторжан, М., 1928, стр. 29). Эта двойственность характера для всего исторического мировоззрения Ч., к-рый был идеологом крестьянской революции, т. е. был революционным мелкобуржуазным демократом.

Понимая хорошо роль и значение экономического фактора в истории, Ч. лишь смутно представлял себе понятие производительных сил, хотя и здесь высказывал отдельные гениальные мысли. «При грубых процессах производства, какими ограничивалась техника варварских обществ, рабский труд не представлял несообразности с орудиями, к которым прилагался: то и другое было одинаково дурно. Когда техника несколько развилась, когда явились довольно многосложные и delicate орудия, грубый труд раба оказался непригодным: машина не терпит подле себя невольничества... перемены в качествах труда вызываются переменами в характере производительных процессов»; при этом «в вопросах о будущем можно определенительно видеть только цель, к которой идет дело по необходимости своего развития, но нельзя с математической точностью отгадывать, сколько времени потребует для достижения этой цели: историческое движение совершается под влиянием такого множества разнородных влечений, что видно только бывает, по какому направлению идет оно, но скорость его подвержена постоянным колебаниям...» (Полн. собр. соч., т. VII, стр. 212, 213 и 214).

Особый интерес представляют исторические взгляды Чернышевского в проблеме борьбы классов. Он делит все современное капиталистическое общество на три основных класса, соответствующих основным отношениям собственности, но при этом он еще смешивает классы с сословиями. Высшим «сословием» Ч. считал класс землевладельцев-феодалов, средним сословием — класс капиталистов («промышленники, купцы, банкиры») и наконец низшим «сословием» — класс пролетариев, не

имеющих никакой собственности. Но отношению к этому последнему классу у Ч. наблюдается нек-рая путаница понятий. Он, правда, понимал, что бедняки и пролетарии — это не одно и то же, но в то же время, даже говоря о Западной Европе, он очень часто ставил за одну скобку пролетариат и всех вообще трудящихся, называя их «простолюдными». Тем не менее для него временами довольно ясны основные противоречия классовых интересов и характер классовой борьбы. Высшее сословие и среднее имеют общую основу своего существования и своей солидарности, именно — присвоение труда низшего сословия (рабочие и земледельцы), и поэтому борьба между высшим и средним сословием является лишь временной и преходящей по сравнению с общностью их отношения к массе эксплуатируемых. Ч. на опыте европейской классовой борьбы показывал, что буржуазия, выставляющая либеральные принципы, пока она борется за власть, сама, став у власти, делается реакционной. Наоборот, низшие классы и особенно пролетариат заинтересованы в том, чтобы довести классовую борьбу до конца, до полного уничтожения власти собственности и эксплуатации. Классовая борьба внутри государства подчиняется тем же законам, как и борьба между государствами: «Как споры между различными государствами ведутся сначала дипломатическим путем, точно так же борьба из-за принципов внутри самого государства ведется сначала так называемым законным путем. Но как между государствами спор, если имеет достаточную важность, всегда приводит к военным угрозам, точно так и во внутренних делах государства».

Впрочем даже в этой области, к-рая наиболее приближает Ч. к научному социализму, его оценки классовой борьбы в Европе довольно часто расходятся с марксовскими и свидетельствуют о том, что Ч. подходил к этим моментам, как демократ, а не как пролетарский социалист, каким он не был и быть не мог. Так, Ч. далеко не понял подлинного характера июньских дней 1848. Он полагал, что Кавеньяком была совершена политическая ошибка, что он и его тогдашние хозяева — представители республиканской буржуазии — должны были согласиться на переговоры с восставшими рабочими, должны были дать инсургентам амнистию, и тогда можно было бы избежать ужасного кровопролития; рабочие видели бы в них не своих заклятых врагов, а, наоборот, миротворцев, и это им помогло бы политически овладеть массой. По мнению Ч., предстояла еще борьба с Наполеоном, нужно было спасти республику, а более искренних республиканских союзников, чем рабочие, нельзя было найти. Наоборот, Маркс, как известно, считал, что только на костях июньских борцов могла буржуазия утвердить свое господство. Если потом буржуазия отдала власть Наполеону III, то в глазах Маркса здесь не было противопоставления либеральной буржуазии деспотизму, потому что для Маркса Наполеон с самого начала был объективно орудием этой же самой буржуазии. Ч. же оценивал события с точки зрения революционного демократизма, и для него борьба с Наполеоном была настолько важна, что ради нее буржуазия, по его мнению, должна была помириться с пролетариатом. Здесь следовательно мы видим две точки зрения, к-рые вытекают из разного социального

опыта: Маркс исходил из интересов классовой борьбы пролетариата против всей буржуазии, между тем как исторические взгляды и демократические требования Ч. определялись в основном опытом борьбы с самодержавием и крепостническим дворянством.

Пытаясь установить связь между классовой борьбой и определенными классовыми идеологиями, Ч. доказывал, что экономические теории основоположников классической политической экономии являлись отражением той эпохи, когда еще не было резкой противоположности между трудом и капиталом. Наоборот, «открытая ненависть между простолюдинами и средним сословием во Франции произвела в экономической теории коммунизм». При этом «число пролетариев все увеличивается, и, главное, возрастает их сознание и просыпается их понятие о своих потребностях». Мало того, Ч. приближался к пониманию огромного значения правильной философской теории в деле формирования классового и политического сознания пролетариата. Он понимал, что овладение теорией помогает пролетариату в его борьбе за социализм. «Нет никакого сомнения, что и простолюдины Западной Европы ознакомятся с философскими воззрениями, соответствующими их потребностям... Когда придет такая пора, когда представители элементов, стремящихся теперь к пересозданию западно-европейской жизни, будут являться уже непоколебимыми в своих философских воззрениях, это будет признаком скорого торжества новых начал и в общественной жизни Западной Европы» (Полн. собр. соч., т. VI, стр. 205—206).

Ч.-историк был прежде всего политиком, борцом, и все его исторические работы, равно как и его блестящие обзоры политической жизни Западной Европы и Америки, служили основной цели его жизни—борьбе с самодержавием и крепостническим дворянством, подготовке крестьянской революции в России. В одном из писем к Некрасову Ч. сам указал, что даже его большая критико-историческая работа о Лессинге писалась им «с приноравливанием к нашим домашним обстоятельствам» (Чернышевский, Литературное наследие, т. II, стр. 335). Поэтому и его замечательные исторические статьи—«Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», «Нюльскал монархия» и «Кавеньяк», где давалась характеристика классов и партий во Франции 1815—48, а также статьи, посвященные национально-освободительной борьбе в Италии 1859—61 и гражданской войне в Америке,—все имели конечной целью дать политический анализ современной ему России и предугадать ее возможное революционное будущее. Во всех этих работах Чернышевский проявил глубокое понимание характера политической борьбы и задач революционеров. Решительный и последовательный демократизм, ясное и глубокое понимание проблем революции и гражданской борьбы, презрительное отношение к либералам и всякого рода «соглашателям» и оппортунистам, боявшимся революции и ее логических последствий,—вот те выводы, к которым приходил Ч. на основании изучения европейской истории и современной политики. Уже в 1850 он написал в своем дневнике: «Человек, неослепленный идеализацией, умеющий судить о будущем по прошедшему и благословляющий известные дикости прошедшего, несмотря на все зло, какое сначала принесли они (здесь

имеется в виду террор французской революции и другие «эксцессы».—Б. Г.), не может устрашаться этого, он знает, что иного нельзя ожидать от людей, что мирное, тихое развитие невозможно» (Литературное наследие, т. I, стр. 497). Позднее, будучи уже зрелым писателем, ученым и публицистом, особо ответственным за свои слова, Ч. писал: «Прогресс совершается чрезвычайно медленно, в том нет спора; но все-таки девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы. История движется медленно, но все-таки почти все свое движение производит скачок за скачком, будто молоденький воробушек, еще не оперившийся для полета, еще не получивший крепости в ногах... Но не забудьте, что все-таки каждым прыжком [он] учится прыгать лучше... скачок быстро за скачком, без всякой заметной остановки между ними. А еще со временем, птичка и вовсе оперится, и будет легко и плавно летать с веселою песнею» (Полн. собрание соч., т. V, стр. 491). Здесь в иносказательной форме, неизбежной по цензурным условиям, Ч. дает свою «философию истории», заключающуюся поинтересному в том, что только революционные периоды являются настоящими двигателями истории, и что революции прекратятся только с полной победой социализма. Но революции не делаются в перчатках. «Кто берется за дело, тот должен знать, к чему поведет оно; и если не хочет он неизбежных его принадлежностей, он не должен хотеть и самого дела. Политические перевороты никогда не совершались без фактов самоуправства, нарушавшего формы той юридической справедливости, какая соблюдается в спокойные времена». Политический вождь должен быть решительным и, раз поставив себе определенную цель, идти беспощадно до конца. «Надобно взвесить добро и зло, и если вам кажется, что в сущности дело хорошо, не смущайтесь тем, что есть в нем стороны дурные... Да, или нет, как вам угодно, но во всяком случае будьте тверды. Надобно быть человеком, а не флюгером... полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит». В этом отношении революция напоминает войну: «Мы не хотим решать, хорошая ли вещь военные победы; но решайтесь, прежде чем начнете войну, не жалеть людей; а если хотите жалеть их, то не следует вам и начинать войны. Что о войне, то же самое надобно сказать и о всех исторических делах: если вы боитесь или отвращаетесь тех мер, которых потребует дело, то и не принимайтесь за него и не берите на себя ответственности руководить им, потому что вы только испортите дело» (Полн. собр. соч., т. V, стр. 404, 406 и 407). Поэтому Ч. резко осуждал позицию Луи Блана в 1848, осуждал его боязнь перед дальнейшим развитием и углублением революции, его страх перед властью, которая давалась ему массами. Поэтому он с таким сочувствием и надеждой следил за походами смелого вождя итальянских демократов—Гарибальди. Ч. понимал железную логику гражданской войны. Говоря о войне между восставшими под руководством Гарибальди сицилийцами и угнетавшим их неаполитанским правительством, Ч. подчеркивал, что «между людьми неаполитанской системы и сицилийцами невозможно примирение. Их отношениям нет другого исхода, кроме истребления той или другой стороны» (Полн. собр. соч., т. VI, стр. 532). Анализируя в своих об-

ворах гражданскую войну САСИИ, Ч. так же, как Маркс и Энгельс, обвинял северян в том, что они ведут борьбу нерешительно, критиковал их половинчатость, осуждал всякие компромиссы с их стороны. считал Линкольна самым умеренным представителем республиканской партии, готовым на любую уступку. Он высказывал даже опасения, как бы южане не сдались слишком скоро, так как в этом случае северяне пошли бы на уступки, и в результате оказался бы гнилой компромисс. Самым радикальным средством против плантаторов-рабовладельцев Ч. считал восстание негров в южных штатах, причем его не пугали и не отталкивали те расправы, которые учинили бы восставшие негры над своими белыми господами. Наконец из опыта европейских революций и национально-освободительных и гражданских войн Ч. вынес убеждение в необходимости для революционеров технической подготовки к вооруженному восстанию, обучения масс умению владеть оружием и военному делу вообще. Весь этот политический опыт Ч. перенес на современную ему Россию.

Главным злом, главной реакционной силой тогдашней России, мешавшей ее прогрессу, силой, к-рую надо было сокрушить в первую очередь, считал Ч. царское самодержавие и помещичье дворянство. Этой задаче в основном была посвящена вся историческая и литературно-публицистическая деятельность Ч., равно как и его непосредственная революционно-незаконная работа. Одним из средств, которые облегчали бы свержение самодержавия, Ч. считал военное поражение России, являясь таким образом подлинным родоначальником революционного пораженчества. Еще в студенческие годы он мечтал о войне Франции и Германии против России, желал поражения русских в войне против Венгрии, «и для этого готов был бы самим собою пожертвовать». Позднее, уже на каторге он высказывал ту мысль, что если бы поражение России в Крымской войне было более основательным, более катастрофическим, если бы союзники «взяли Кронштадт, Петербург и Москву, ну тогда, пожалуй, у нас были бы произведены реформы, о которых стоило бы поговорить». И в своих политических идеалах, и в своей программе, и в своей политической тактике Ч. был сторонником полного народоустройства и полной, решительной, беспощадной народной революции. Это помогло ему с необычайной ясностью и четкостью формулировать основные взаимоотношения классов в ходе т. н. «крестьянской реформы». В своих статьях по крестьянскому вопросу, в не пропущенных цензурой и напечатанных впоследствии за границей «Письмах без адреса», мотивируя в Александра II, а также в написанном на каторге автобиографическом романе «Пролог» Ч. проводит ту мысль, что произведенная «сверху», при одобрении и содействии либералов, отмена крепостного права в сущности не улучшила, а даже ухудшила положение крестьянских масс. Он думал даже, что для дальнейшего революционного развития России было бы пожалуй лучше, если бы крестьян освободили совсем без земли, чем с землею, за к-рую им пришлось заплатить тяжелый выкуп. Поэтому, как отметил Ленин, «„Крестьянскую реформу“ 61-го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже проясняли, он назвал мерзостью, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно

видел, что крестьян обдирают гг. либеральные освободители, как липку. Либералов 60-х годов Чернышевский назвал „болтунами, хвастунами и дурачьем“, ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед властью имущими» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 144. Подчеркнуто Лениным). Резко критически относился Ч. и к Герцену за его склонность к либерализму, несмотря на то, что «...при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх» (там же, стр. 467).

Вообще борьба с либералами, русскими и европейскими, к-рые, по мнению Ч., мешали подлинной борьбе с самодержавием и деспотизмом, занимала одно из центральных мест в исторических и политических взглядах Ч. За это либералы остро его ненавидели.

Все свои надежды Ч. возлагал на крестьянскую массу и на разночинную интеллигенцию, к-рая должна была сыграть роль агитатора и организатора в будущем крестьянском восстании. Еще студентом он мечтал о таком «народном правлении», где бы власть перешла в руки «самого низшего и многочисленнейшего класса», т. е. земледельцев, поденщиков и рабочих. Правда, позднее вера в близость крестьянской революции значительно ослабела у Ч., но в 1861 в связи с массовыми крестьянскими «бунтами», вызванными разочарованием в «реформе» 19 февраля, Ч. считал вполне возможным близость всеобщего крестьянского восстания, и он написал не увидевшую света прокламацию «Варским крестьянам от их доброжелателей поклон», в которой высказал свои взгляды на желательный государственный строй, на разрешение крестьянского вопроса и на подготовку восстания.

Это воззвание является замечательным образцом прокламационной литературы. Характеризуя ту «волю», какую царь дал народу, и приходя к выводу, что «по царскому-то манифесту, да по указам дело поведено...» так, что помещики взяли крестьян еще в худшую кабалу, Ч. прибавляет: «А не знал царь, что ли, какое дело он делает? Да сами вы посудите, мудрено ли это разобрать? Значит, знал... Оболгал он вас, оболстл он нас... Сам-то он кто такой, коли не тот же помещик?.. Вы у помещиков крепостные, а помещики у царя слуги, он над ними помещик... Ну, царь и держит барскую сторону». Настоящая народная «воля» должна состоять в том, «чтобы народ всему голова был, а всякое начальство миру покорствовало...» и чтобы «бесчинствовать над мужиком никто не смел...», чтобы «подушного оклада не было, и чтобы рекрутчины не было» (Ч., Избранные сочинения, т. I, М. — Л., 1928, стр. 147 и 149). Эта программа не свободна от известных элементов «демагогии», что, быть может, объясняется тем, что воззвание Ч. попало к нам в переписанном и отредактированном другими виде. Но суть его не столько в программе, сколько в самом призыве к всеобщему вооруженному восстанию и в тех советах о его подготовке, которые дает Ч. и которые совпадают с его замечаниями о сицилийском восстании. Ч. советует крестьянам привлекать солдат на свою сторону и учиться у них военному делу. Здесь Ч. несомненно имел в виду использовать тот факт, что вожаками ряда крестьянских «бунтов» конца 50-х и начала 60-х гг. являлись отставные солдаты или солдаты-отпускники. Советовал также Ч. учить-

ся у «офицеров добрых»: «потому что есть и такие офицеры, и немало таких офицеров. Так чтобы солдаты таких офицеров высматривали, которые надежны, что за народ стоять будут, и таких офицеров пусть солдаты слушаются, как волю добыть». — «А кроме того ружьями запасайтесь, кто может, да всяким оружием» (там же, стр. 150 и 151). Под «офицерами добрыми» разумелись конечно революционно настроенные молодые офицеры, лучшая часть которых находилась под идейным влиянием самого Чернышевского.

Но вместе с тем все это воззвание резко отличается и от прокламации Шелгунова «К молодому поколению», и от «Молодой России», и от рукописной прокламации Каракозова «К друзьям рабочим», не говоря уже об агитационной литературе народнического периода, — отличается тем, что в нем нет призыва к социализму и даже никаких упоминаний об общине. Это значит, что при всех своих надеждах на роль общины в будущем социалистическом переустройстве России Ч. по крайней мере в этот период ближайшую крестьянскую революцию не связывал с немедленными социалистическими перспективами.

Это подтверждает также его «план осуществления теории трудящихся», к-рый он считал настолько важным, что, изложив его в статье «Капитал и труд», затем повторил в примечаниях к Миллю. План заключается в создании производительных товариществ на добровольных началах, от 1.500 до 2.000 человек в каждом (по типу фаланстеров Фурье), при помощи ссуд от государства за «обыкновенные проценты». Перед этим в государстве повидимому происходит разрушительная крестьянская революция, ибо, как говорит Ч., «в государстве, к которому относится план, находится среди полей множество старинных зданий, стоящих запущенными и продающихся за бесценок. Для товариществ всего выгоднее будет купить одно из таких зданий, поправка которого не требовалась бы особенных расходов». Здесь ясно, что Ч. предполагал как предварительное условие для создания своих товариществ народную революцию, которая прогонит помещиков из их «дворянских гнезд». Но это была бы совершенно очевидно буржуазно-демократическая революция, после победы к-рой только и можно будет начать строить социалистические товарищества, а не последовательный демократический переворот, который Ч. связывал непосредственно с социалистическим содержанием и о к-ром он так часто говорил. Это была одна из непоследовательностей Ч.

Если к этому присоединить убеждение Ч. в прогрессивной роли капитализма для дальнейшего исторического развития России, то отсюда вытекает вывод, что при всем своем утопическом социализме, к-рый свивался у него с демократизмом, при всех теоретических противоречиях этого великого крестьянского революционера, в основном Ч. объективно был идеологом крестьянской революции, «американского пути развития» России. Вот что он писал еще в 1857 о развитии капитализма в России: «В наше время главная движущая сила жизни, промышленное направление, все-таки гораздо разумнее, нежели тенденции многих прошлых эпох... Из него выходит и некоторое содействие просвещению, потому что для промышленности нужна наука и умственная развитость; из него выходит и некоторая

забота о законности и правосудии, потому что промышленности нужна безопасность; из него выходит и некоторая забота о просторе для личности, потому что для промышленности нужно беспрепятственное обращение капиталов и людей... Когда развивается промышленность, прогресс обеспечен. С этой точки, мы преимущественно и радуемся усилению промышленного движения у нас» (Полн. собр. соч., т. III, стр. 561 и 562).

Решительный и последовательный демократизм Ч. проявлялся не только в крестьянском вопросе, где он стоял за полное уничтожение помещичьего землевладения, и не только в программе демократической республики. Ч. стоял за полное раскрепощение всех угнетенных национальностей и их национальное самоопределение, причем, вполне сочувствуя стремлениям поляков к национальной независимости, он в то же время разоблачал политику наших славянофилов, к-рые, под видом борьбы за освобождение балканских или австрийских славян, на самом деле стремились подчинить их деспотизму русского царя. Ч. был конечно ярким врагом невольничества во всех его видах и, когда разгорелась гражданская война в САСШ, не только целиком поддерживал самое крайнее крыло «аболиционистов», т. е. сторонников полного освобождения негров, но, как мы видели, высказывался и за восстание самих негров. Наконец Ч. был решительным сторонником полного освобождения женщины от политического, бытового и семейного угнетения.

По своим историко-политическим взглядам Ч. далеко превосходил всех современных ему не только буржуазных, но и мелкобуржуазных историков из лагеря утопического социализма, а также русских историков типа Костомарова и Шапова. Можно смело утверждать, что как в анализе европейской классовой борьбы первой половины 19 в., так и в анализе политических отношений и классовой борьбы в Европе и Америке конца 50-х и начала 60-х гг., в глубине и яркости этого анализа Ч. не имел себе равного в России, а в Европе уступал только Марксу и Энгельсу. Вот почему его исторические статьи и политические обзоры, в которых богатейший фактический материал сопровождается нередко блестящими классовыми характеристиками, представляют до сих пор огромный интерес. Ту теорию о роли экономического фактора и о значении борьбы классов в истории, к-рую Ч. в основном заимствовал у французских историков эпохи Реставрации и у социалистов-утопистов, он углубил, конкретизировал и во многих отношениях развил исторически и логически. Но и в этой области, как и в области своих философских и экономических взглядов, он не стоял на почве пролетарского социализма, а оставался крестьянским революционером и утопическим социалистом, хотя и преодолел критически многие слабые стороны европейского утопического социализма. Если Плеханов в своих работах о Ч. слишком подчеркивал слабые стороны Ч., его исторический идеализм, рационализм и утопизм, то Стеклов, наоборот, неправильно изобразил Ч. как почти закованного марксиста и непосредственного предшественника большевизма. Тем не менее для России Ч. — историк и политик — далеко опередил свое время. Позднейшее народничество 70-х гг. и в этом отношении являлось «шагом назад от Ч.» (Ленин). Ленин характеризует русское народничество следую-

щими чертами: «... 1) Признание капитализма в России упадком, регрессом. Отсюда стремления и пожелания «задержать», «остановить», «прекратить ломку» капитализмом вековых устоев и т. п. реакционные вопли. 2) Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина сего общиной, артелью и т. п. в частности... 3) Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов» (Ленин, Соч., т. II, стр. 321). По всем этим вопросам Ч. был неизмеримо прогрессивнее народников. Он считал развитие капитализма в России фактором прогресса. Он был противником теории «самобытности» как русской экономической жизни, так и русской истории вообще, и по этим вопросам вел упорную полемику со славянофилами (о колебаниях Ч. по вопросу об общине см. выше: экономические взгляды Ч.). Наконец при всех элементах своего утопизма и идеализма Ч. искал классовые корни общественного и политического строя, в том числе российского царизма, общественных групп и даже самых высших форм идеологии. Народники 70-х гг. подхватили и развили слабые стороны учения Ч. Плеханов, наоборот, выдвигал сильные стороны его мировоззрения, в частности его исторических и политических взглядов, в к-рых он делал значительные шаги по пути к научному социализму. Та же характеристика Ч., к-рую дал Ленин в своих многочисленных высказываниях о нем, это—лучшее, что может дать марксистский анализ по отношению к великому крестьянскому революционеру 60-х годов» [см. Н. Г. Чернышевский, 1828—1928 (Тезисы для докладчиков). Комиссия при Президиуме ЦИК Союза ССР..., Москва, 1929, стр. 8].

Б. Горев.

В. Ч.—литературовед и писатель.

Писарев не понял революционно-материалистического мировоззрения Ч. и думал, что он, разрушая «лучшие» системы эстетики, вообще уничтожал эстетику. Ч. же разрушал только идеалистическую эстетику. Держась взгляда, что наука и искусство также свойственны и необходимы человеку, как дыхание и пища, он создавал эстетику, отвечающую классовым стремлениям революционной демократии 60-х гг. Его знаменитая диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности»—не только блестящее применение философии Фейербаха к области эстетики, но и первый манифест революционной демократии. Исходя из материалистического принципа, что «мысль порождается действительностью, и потому мысль не противоположна действительности, а составляет ее неотъемлемую часть», Ч. находил материал для борьбы и творчества исключительно в живой действительности. Под ней он понимал не только отношения человека к предметам и существам обыкновенного мира, но и внутреннюю жизнь его. «Уважение к действительной жизни, недоверчивость к априористическим, хотя бы и приятным для фантазии, гипотезам»,—вот основные принципы, на к-рых Ч. строил свою эстетику. Рассматривая эстетику как «систему общих принципов искусства вообще и поэзии в частности», он с особой обстоятельностью остановился на анализе понятия

«прекрасное». Прекрасное как абсолютное он отверг; он против взгляда, что «прекрасное, создаваемое искусством, свободно от недостатков прекрасного в действительности». Считая «историю искусства основанием теории искусства», Ч. уничтожал основной тезис идеалистической эстетики, что прекрасное есть «полное выражение идей в отдельном предмете», «полное слияние идей с образом». В последнем утверждении он видел суждение «прекрасного», ограничение искусства техническим моментом, мастерством. Ч. настойчиво доказывал, что идеалистическое понимание искусства ведет к антиобщественному выводу: «прекрасное в действительности только призрак, влагаемый в него нашею фантазией», «в действительности (или, говоря языком спекулятивной философии: в природе) истинно прекрасного нет». Следовательно источник искусства—в недостатке прекрасного в жизни. Задача искусства этот недостаток восполнить. Т. о. искусство выше действительности. Человек, не находя удовлетворения своих потребностей в данных общественных условиях, как будто может найти удовлетворение их в искусстве. От борьбы за лучшую жизнь идеалистическая эстетика уводила человека в пассивное созерцание, а прекрасное в жизни заменяла суррогатом, прекрасным в искусстве. Это естественно не могло удовлетворить революционера-демократа. Он выбрал другой лозунг, совершенно противоположный, который одних приводил в бешенство, других звал к борьбе. Чернышевский сказал: «прекрасное есть жизнь». Он убеждал, что «стремление к жизни, проникающее в органическую природу, есть вместе и стремление к произведению прекрасного» и «истинная, высочайшая красота, встречаемая человеком в мире действительности, а не красота, создаваемая искусством». Прекрасное в искусстве ниже прекрасного в действительности. Все, что показывает искусство,—«в полном и совершеннейшем виде» имеется в жизни. «Полнота жизни и красота в действительности тождественна». Следовательно корни искусства не в неудовлетворенности жизнью, а в стремлении к жизни, в борьбе за жизнь. «Источником и целью искусства поставляются потребности человека». Ч. иронизировал над предрассудком, что «природа груба, низка, грязна, что надобно очищать и украшать ее для того, чтобы она облагородилась». Он ограничивал искусство «высоким, прекрасным назначением: в случае отсутствия действительности быть некоторою заменою ее и быть для человека учебником жизни». Словом, Ч. доказывал, что прекрасное существует не в откровениях внемирового высшего духа, а в самой действительности, в жизни, и этим реальным миром надо овладеть, надо его завоевать и изменить согласно потребностям «нормального человека».

Конкретно задачи искусства Ч. определял по трем направлениям: «Воспроизведение жизни—общий характеристический признак искусства, составляющий его; часто произведения искусства имеют и другое значение—объяснение жизни; часто имеют они и значение приговора о явлениях жизни». Идеолог крестьянской революции хотел, чтобы искусство давало реальную картину, но конечно не простую фотографию жизни, полной ужаса, угнетения и эксплуатации, а чтобы оно объяснило в чем корень зла, что чем обусловлено, что основное и второстепенное, где выход,—чтобы оно оценило и со-

стояние общества и классовые силы. Ч. активизировал искусство, хотел видеть его учебником крестьянской революции; противники же его видели в этом уничтожение искусства, как будто их идеалистическая эстетика не служила классовым задачам, как будто теория т. н. чистого искусства не служила им прикрытием и средством борьбы, чтобы подавить крестьянскую революцию и укрепить свое либеральное мировоззрение. Эстетика Ч. неизбежно несет в себе все достоинства и недостатки той философии, на к-рой она построена; она страдает рационализмом, просветительством, идеалистическими срывами в объяснении общественных явлений; антропологический принцип нередко затемняет социологическое классовое объяснение искусства как продукта социальной жизни людей. Плеханов, критикуя эстетику Ч. за просветительство, местами не только ложно толковал ее, но и сам впадал в принципиальные ошибки. Он преувеличивал, утверждая, что Ч. так чрезмерно сближает науку и искусство, что стирает специфику искусства. Плеханов учил, что искусство надо брать, как оно есть, и надо суметь объяснить его социальный генезис и классовый характер. В тезисе Ч., что искусство должно быть «учебником жизни», он увидел величайшее просветительское грехопадение. Он заявил, что искусству нельзя предписывать. Плеханов конечно понимал, что исторические события Ч. объясняет экономическими и политическими условиями, что искусству он отводит служебный характер, но в своей борьбе с субъективизмом и абстрактностью, в защите объективизма и материализма Плеханов впадал в принципиальную ошибку, снижая социальную функцию искусства. Ч., понимая зависимость искусства от жизни, одновременно видел, хотя иногда и преувеличенно, и воздействие искусства на жизнь. Плеханов же ограничивал право искусства воздействовать на общество. К искусству, как и ко всякой идеологии, подходить только как к процессу нельзя. Искусство не только исторический процесс, но и актуальная общественная борьба. Плеханов эту активность незаконно убивал. Как меньшевик Плеханов опасался, как бы пролетариат не забежал вперед истории, он часто одергивал его в революционной устремленности, апеллируя к незрелости общественных условий. Он лишил марксизм революционной силы. Большевизм, наоборот, считал необходимым содействовать действительности; он не тащился в хвосте событий, а, учитывая стихийность движения, направляя его своей классовой сознательностью и активным вмешательством. Подобную устремленность в эстетике Ч. Плеханов и убивал. Обращаясь к современной коммунистической литературной политике, мы видим, что пролетариат ставит своей задачей не только выявлять классовые корни искусства и объяснять его, но и вставлять искусство служить социалистическому строительству общества. Пролетариат как восходящий класс предъявляет искусству ряд определенных требований; он активизирует искусство, требуя от него социальной пользы и партийности. Аналогично мыслила и революционная демократия 60-х гг. Определив прекрасное как «полноту жизни», Ч. сознавал, что каждая общественная группа по-своему понимает эту полноту жизни, прекрасное. Не поднимаясь до марксистского понимания классов и классовой борьбы, он дал блестящее материалистическое

объяснение, почему крестьянин видит женскую красоту в крепком здоровьи, развитой мускулатуре, ярком румянце; аристократия — в томном взгляде, маленьких ручках; а представитель уменного труда — в прекрасных выразительных глазах, в одухотворенном мыслью и творчеством лице.

Общеэстетические взгляды Ч. определили его литературно-критические позиции. Систематического изложения понимания критики Ч. не оставил, но отдельные высказывания дают ясное представление о его критических установках. Методология критики сложилась у Ч. в смертельной борьбе с либералами и крепостниками, сторонниками эстетической критики. Тургенев, Боткин, Фет и др., прикрываясь великим именем Белинского того периода, когда он шел за идеалистической философией Шеллинга, Фихте, Гегеля, старались опорочить и высмеять материалистические принципы критики, выставить Ч. как отступника от заветов Белинского, — признанного авторитета. На самом деле революционер-демократ Ч. восставал и развивал замалчиваемые предсмертные фейербаховские идеи великого критика, утверждавшего историко-материалистический генезис искусства и его общественно-служебную функцию. Корни, содержание и задачи литературы, как и эстетики, Ч. видел в живой действительности. Общественная жизнь дает художнику материал, а он обрабатывает его со своей классовой точки зрения. Литература всегда зависит от общества, всегда ему служит, хотя у разных народов в разное время по-разному. У греков и римлян поэзия — украшение жизни, наслаждение и отдых. Судьбу Италии решали не Данте, Ариосто и Тассо, а экономические и политические обстоятельства. Обобщая все это, Ч. подчеркивал: «Таково положение литературы почти везде, почти у всех исторических народов». Однако этим Ч. не снижал действительного значения литературы, ее он ставил очень высоко. Он говорил: «Байрон в истории человечества лицо едва ли не более важное, чем Наполеон, а влияние Байрона на развитие человечества еще не так важно, как влияние многих других писателей, и данно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России». Борясь за общественно-служебный характер литературы, Ч. и выявлял преимущественно социальную функцию литературы. Он напр. сознавал, что творчество великих европейских писателей идейно шире и художественно совершеннее, чем русская литература, но он все же находил, что Гоголь со своим обличением русской действительности нам ближе, — «и на чьей стороне перевес влияния, трудно решить». Ч. утверждал, что «литература не может не быть служительницей того или иного направления идей», он считал, что нет ничего выше, как с честью служить человечеству. Это возвышает литературу. Однако это служение возможно лишь тогда, когда «слово писателя одушевлено идеями правды, стремлением к благотворному действию на умственную жизнь общества». Под правдой же Ч. разумел правду революционной демократии, правду крестьянской революции, а под «стремлением к благотворному действию» — агитацию — пропагандистское воздействие литературы. Он хотел, чтобы литература, отображая жизнь, содействовала свержению самодержавия, полному уничтожению крепостничества, революционному разрешению

крестьянского вопроса. Такое направление мысли вызвало ожесточенные нападки: Ч. губит литературу, Ч. приносит ее в жертву политической тенденциозности. А он повторял, что «от избытка сердца должны говорить уста поэта», что основу поэзии составляет чувство, не голая идея, а идея, претворенная в живой образ. Он вовсе не смотрел на поэзию исключительно с политической точки зрения, понимая, что не всякая, отдельно взятая поэтическая идея может быть выражением политической тенденции. Поэзию же он считал выше и богаче всех искусств. Как революционный борец и вождь он сознавал «ничтожность наружной отделки по сравнению с мыслью», для него «важнее всякого мастерства писать» — умение «правильнее понимать вещи». Эстетическая теория Ч. не игнорировала вопросов формы, она только была «готова примириться» с несовершенством ее, видя главную задачу времени в пропаганде идей крестьянской революции. В критике Ч. политическая и идеологическая оценка всегда тесно переплеталась с оценкой художественной стороны творчества, с той лишь разницей, что в начале его литературной деятельности преобладали вопросы художественные, а позднее публицистические. Ч. осуждал писателя, когда последний в угоду идеям насиловал свой талант; Чернышевский отмечал, когда форма не соответствовала содержанию. В статьях о Толстом, Островском, Щедрине, Шиллере и др. писателях он неизменно поднимал вопросы чисто художественного порядка.

Критика должна «вскрыть», какое воззрение на жизнь выразилось в произведении писателя. Ч. отрицал абсолютные законы критики и в этом он был прав, но он глубоко заблуждался, полагая, что «различие новых критических убеждений каждый раз было следствием изменений в господствующем характере литературы». Содержание критики несомненно зависит от содержания произведения, но принципы и задачи критики наравне с самой литературой зависят от развития производительных сил страны и классовой борьбы, классовых мировоззрений. Не прав был Ч. и тогда, когда утверждал, что ложная идея делает произведение нехудожественным, сухим, мертвым. Он не сумел провести последовательно свою же мысль, что каждая общественная группа имеет свою классовую правду, свое представление о художественности, по-своему чувствует красоту. Что для одних классов ложно и безобразно, то для других истинно и прекрасно. В творчестве Пушкина, Толстого немало ложных идей, но от этого их произведения не перестают быть и для нас истинно прекрасными. Не проводил Ч. последовательно и строго исторической точки зрения, хотя всегда ее отстаивал. В теоретических литературоведческих высказываниях он не сумел провести четкой классовой линии, но в критической практике классовые позиции революционной демократии он проводил с изумительной прозорливостью и гневной страстью. В этом отношении такие статьи, как «Русский человек на гонимых» и «Не начало ли конца», ослепительно превосходны. В критике повести Тургенева «Ася», повести, к-рая «имеет направление чисто поэтическое, идеальное, не касающееся ни одной из т. н. „черных сторон“ жизни», Ч. пришел к политическим размышлениям, поднялся в своем обобщении до беспощадной, убивающей характеристики русского либерализма как политического направления, драб-

лого, безвольного, готового на сделку с существующим режимом, ради своих классовых интересов считающего себя вправе распоряжаться судьбами народа. Характерно смело и вторая статья. Ч. защищает в ней правдивое изображение народа, он против идеализации его. В последней он видит быреское, снисходительно сентиментальное отношение к народу сверху вниз; в реалистическом изображении светлых и темных сторон жизни и характера народа — равное к нему отношение. Идеолог крестьянской революции не собирался облагодетельствовать народ сверху; народ для Ч. не объект, а субъект, в нем он видел решающую силу крестьянской революции. И эту силу он хотел знать в ее настоящем виде, без всяких прикрас. Свою классовую точку зрения Ч. последовательно применил к ряду писателей. В творчестве Пушкина он нашел «мало глубины и постоянства», сожалел, что содержание, которое у поэта было, «пропадало в общем впечатлении чистой художественности, чуждой общественного направления». У поэтов пушкинской эпохи он находил форму и мало содержания, у них «скудные запасы чувства и мыслей». В «Горе от ума», в «Онегине» он отмечал недостаток критического анализа действительности. Ни Грибоедов, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Кольцов не создали школы. Школу создал Гоголь. Ч. ждал «нового периода в русской литературе» и видел его в развитии традиций Гоголя; только Гоголь создал самобытную литературу, чуждую иностранных влияний, только «он пробудил в нас сознание о нас самих». Своей работой «Очерки литературы гоголевского периода» Ч. выступил за гоголевское общественно-критическое направление против пушкинского эстетического направления, что не помешало Ч. считать Пушкина величайшим русским поэтом. Обличительные свойства нового направления Ч. нашел в прозе Гоголя, считал это направление особенно плодотворным, поскольку оно является критическим. Из современных писателей Ч. ценил Толстого, предвидя его гениальность и великую будущность, а особенно он ценил поэта Некрасова и критика Добролюбова. В Добролюбова он видел стойкого, последовательного, решительного защитника народа; Некрасова считал «гениальнейшим, благороднейшим из всех русских поэтов», выше Пушкина.

После ареста Ч. не имел возможности заниматься научно-публицистической работой, он взялся за беллетристику. Ч. оставил ряд художественных произведений, но особенного внимания заслуживает роман «Что делать?», написанный в Петропавловской крепости, и роман «Пролог», написанный в сибирской ссылке. Роман «Что делать?» напечатан в «Современнике» (1863) и скоро был запрещен цензурой вплоть до революции 1905. Классовые враги демократии кричали о бездарности произведения, революционная демократия, наоборот, встретила роман с энтузиазмом, она нашла в нем лучшее выражение своих устремлений. Роман сделался предметом жесточайших классовых боев. Спор о прованском таланте Ч., о художественности его беллетристических произведений не прекращен и сейчас. Нек-рые, в том числе и отдельные писатели из коммунистов, повторяют, что роман «вне литературы». Если к художественному творчеству Ч. подойти с точки зрения канонов, господствовавших в либеральной и консервативной эстетике, то художественные

приемы Ч. во многом не только не удовлетворяют требованиям их, но явно противоречат им, оспаривают и разрушают их. Ч. революционер, социалист, демократ—для него дворянские каноны не обязательны, часто они ему чужды и враждебны, как самим дворянам его времени были чужды каноны поэтики Буало. И если Ч. не удовлетворял требованиям дворянского стиля, то это еще не значит, что его произведения лишены художественности. Ч. создавал образы новых людей, с новым мирозерцанием, с новой моралью; создавал новые типы, к-рые должны были быть и были предметом подражания демократии. Революционная молодежь старалась мыслить и устроить свою жизнь так, как это было показано в романе «Что делать?». Вера Павловна, Лопухов, Кирсанов, Рахметов—типы, списанные с живых людей, воодушевляли революционную демократию жить по-новому, совсем не так, как жили в дворянских гнездах. И естественно, и творчество Ч. шло тоже по новым, еще неизведанным, непроложенным путям. Ч. создавал художественный стиль революционной демократии. Он начинатель. О степени его таланта можно судить только в связи с анализом литературного стиля революционной демократии, дворянско-либеральные мерки к нему неприложимы. Там, где одни видели грубость, тенденцию, другие находили жизненную правду; от чего одни отворачивались с презрением, тому другие восторженно поклонялись. Ч. не был Пушкиным, Гоголем по силе своей образительности, но его художественный талант может отрицать только тот, кто воспитался на дворянской литературе, стилем ее подавлен, кто не всматривался в стиль революционной демократии кто не знает той борьбы, к-рая происходила между этими художественными стилями у нас и в Зап. Европе. Про Некрасова тоже кричали, что в его творчестве «поэзия не ночевала», а отдельные марксисты повторяли за либералами, что ему «борьба мешала быть поэтом». Теперь эта пролетарская точка зрения отвергнута; в жесточайшей борьбе за социализм мы создаем художественный стиль пролетарской литературы. Борьба не мешает нам, не мешала она ни Некрасову ни Ч., она оформляла новый стиль, суровый, подчас грубоватый, реалистический стиль демократии. В нем не было дворянской красочности; кармин, лазурь, позолота, легкость уступали место тонам серым, порой преднамеренной грубости, но от этого стиль не терял своей силы, страстности, убедительности, жизненности и правдивости. Он был ярк и выразителен по-своему. Ч. писал в страшных тисках царской цензуры, отчего сила и выразительность неизбежно стирались.—Отождествляя критику с оценкой, Ч. учил: «Русская критика не должна быть похожа на щепетильную, тонкую, уклончивую критику французских фелетонистов; эта уклончивость и половинчатость не во вкусе русской публики, не идет к живым и ясным убеждениям, которых совершенно справедливо ждет от критики наша публика». Зная, что новый принцип приходится внедрять в жизнь с боем, Ч. требовал от критики энтузиазма, страсти, негодования. Сам он разил противника беспощадно, со злой иронией, издевательством, со всей силой своей революционной мысли, гневной страсти, многосторонней эрудиции. На Ч. нападали все: Тургенев, Достоевский, Толстой, Боткин, Фет, Герцен, Катков, Дружинин и мн. др., забытые и неве-

домые. Тургенев оценил диссертацию Ч. как «порождение злобной тупости и слепоты», как «тусую мертвечину». Многие пытались очернить Ч. лично: у него нет знаний, он крайне односторонен, это недорословный, нахальный человек, мстительный и трусливый. Его сравнивали с Чингис-ханом и кричали: «Караул! Режут! Разрушают основы! Торжествует анархия! Владычествует сквернословие!». Л. Толстой написал пасквиль, пьесу «Зараженное семейство», в к-рой нигилистов, радикалов, революционную демократию изобразил неучами и людьми нравственно нечистоплотными. «Русский вестник» Каткова подсаживал правительство, что Ч. опасный революционер. В этой атмосфере аверной злобы и ненависти Ч., связанный цензурой, страстно и убежденно внедрял в жизнь принципы материализма и идею крестьянской революции.

Изображали Ч. как человека сухого, черствого, аскетического склада, властного, желчного. В действительности из юности—белокурого, с голубыми, добрыми и умными глазами—вырос человек не только сильной, ясной мысли, но и большого, живого чувства, острого, заражающего других. Ч.—кумир революционной демократии. Типичный и достойный ее представитель и борец. Он не аскет, он любит жизнь, природу, людей, но больше всего он любит трудящихся, эксплуатируемых, угнетенных. Их счастье определяло его отношение к себе и людям. Скромный, застенчивый человек, к-рого изображали грубым неуклюжим семинаристом, пахнущим клопом, был увлекательным собеседником, обладал мягким, женственным характером, но это не мешало ему иметь твердые, непоколебимые убеждения, характер непреклонный. Ч. знал, что живых людей без слабостей нет, без всякой притворной скромности он не раз говорил о слабостях своего характера, мешавших ему в борьбе, но и без всякой заносчивости он говорил о нравственном превосходстве Добролюбова и себя над громадным большинством людей того времени. Самоунижение не свойственно ему, он относился к себе с достойным уважением, сознавая свою историческую роль. Он вошел в жизнь уверенно, знал, чего он хочет. 21 года он занес в свой дневник: «Мысли; машина; переворот... через несколько лет я журналист и предводитель или одно из главных лиц крайней левой стороны, нечто вроде Луи Блана... надежды вообще: уничтожение пролетариата и вообще всякой материальной нужды—все будут жить во всяком случае как теперь живут люди, получающие в год 15—20.000 р. дохода, и это будет осуществлено через мои машины» (Литературное наследие, т. I, стр. 441 и 442). Ч. работал тогда над машиной «для производства вечного движения». Задолго до ареста, молодой, он уже мечтал написать «Историю материальной и умственной жизни человечества» и «Критический словарь идей и фактов». Он чувствовал себя вождем и верил в свою силу, что он может разъяснить людям, «в чем истина и как следует им думать и жить». Наконец он намеревался составить «Энциклопедию знания и жизни». Эти грандиозные, многотомные работы предназначались Ч. для всего образованного человечества и должны были издаваться на французском языке. И у него были силы для осуществления этого великого плана. Ч. пал в борьбе, сраженный царским правительством; монархия сгноила его в далекой Сибири, в ка-

торжных казематах, его имя долгое время было под запретом, но он стоит перед нами, колосс, великий русский революционер-демократ. Его сильно любил Ленин, его чтит первое в мире пролетарское государство. Его революционный облик чист, прекрасен, изумляет силой, влечет к себе. —Таков великий страдалец за крестьянскую революцию.

Вид. Полликовский.

Соч. Ч.: Полное собрание сочинений, 10 тт., изд. М. Н. Чернышевского, СПб., 1905—06; Избранные сочинения, под ред. М. Н. Покровского, 5 тт., М.—Л., 1928—1932; отд. издания: Алферьев (роман, вступ. статьи Г. Лелевич), М., 1933; Объективные очерки (рассказы), предисл. Н. К. Погодина, М., 1927; Повести и повести (роман, написанный в Петропавловской крепости, под ред. Н. А. Алексеева), М., 1930; Пролог, II, 1918; Что делать?, М.—Л., 1930.

Посмертные публикации текстов, документы, материалы: Ч. и Сибири. Переписка с родными (ст. Е. А. Липского, примеч. М. Н. Чернышевского), 3 вып., СПб., 1912—13; Переписка Ч. с Некрасовым, Добролюбовым, Зелениным, под ред. П. Писанкова, изд. «Моск. рабочий», М., 1925; Памяти Н. Г. Ч. (Доклады и речи Н. Ф. Анисенского, М. А. Антоновича и др.), СПб., 1910; Литературное наследие..., под ред. и с примеч. Н. А. Алексеева, М. Н. Чернышевского и С. Н. Чернова, 3 тт., М.—Л., 1928—30; Дневник..., под ред. Н. А. Алексеева, 2 тт., М., 1931—32 [дана библиография]; Н. Г. Ч. (сб. неизд. тексты, статьи, материалы, воспоминания), изд. Нижне-Волжского обл. научного об-ва краеведения, Саратов, 1926; Н. Г. Ч., 1828—1928 (неизд. тексты..., под общ. ред. С. З. Катенбегена), Саратов, 1928; К юбилею Ч., изд. Нижне-Волжского краевой комиссии по празднованию 100-летия со дня рождения..., Саратов, 1928 [дана библиография]; Н. Г. Ч. (1828—1928), сб. статей, документов и воспоминаний, изд. Всес. об-ва политработников, М., 1928.

Лит.: Ленин В. И., Сочинения, 2 и 3 изд. (см. именитые указатели в томах); Ленин О. Ч., под ред. Н. Смирнова-Степанова, М.—Л., 1928; Ленинский сборник, XXV, Пометки на книге Плеханова: «Н. Г. Чернышевский», стр. 206—234; Ленинский В. И., Ленин О. Чернышевский. Дополнительные данные в виде пометок Ленина в книге Столынова «Н. Г. Чернышевский», 4 изд., 1909; «Статейный болельщик», № 5(8); Н. Г. Ч., 1828—1928 (тома для докладчиков), М., 1929; Покровский М. П., Ч. и крестьянское движение конца 1850-х гг., «История-марксизм», Москва, 1928, т. XI; его же, Н. Г. Ч. как историк, там же, т. VII; Кириотис В. Ч. и марксизм, там же; Плеханов Г. В., П. Г. Ч., Соч., тт. V и VI, М.—П., 1923; Степанов Ю. М., П. Г. Ч., его жизнь и деятельность, т. I—II, 2 изд., М.—Л., 1928 [дана библиография]; его же, Жизнь и деятельность Н. Г. Ч., изд. «Красной газеты», Ленинград, 1930; его же, Н. Г. Ч. (1828—1889), изд. Об-ва политработников, М., 1928; его же, Еще о Н. Г. Ч. (мыслитель, революционер, человек, сб. статей), М., 1930; Чернышевская-Бестрелова Н. М., Летопись жизни и деятельности Н. Г. Ч., под ред. В. Полликовского, изд. «Academia», М., 1933; Беркова К. Н., Н. Г. Ч. (биограф. очерк), М., 1925; Ярославский Е. Н., Н. Г. Ч., 3 изд., М.—Л., 1928; Павлов П. И., Н. Г. Ч., М., 1931; Фролов И., Н. Г. Ч., М.—Л., 1928; Каменев Л., Н. Г. Ч., М., 1933 [дана библиография]; Горев Б. Н., Н. Г. Ч. (мыслитель и революционер), М., 1934; Луначарский А. В., Н. Г. Ч. (статья), М.—Л., 1928; Берлинер Г., Н. Г. Ч. и его литературные праги, М.—Л., 1930; Бродский И. и Сидоров Н., Комментарий к роману Н. Г. Ч. «Что делать?», М., 1933; Николаев А. А., Н. Г. Ч., его жизнь и труды, Ярославль, 1919; Антонов М., Н. Г. Ч. (социально-философский этюд), М., 1910; Чешин Хил-Ветрицкий В. Е., Н. Г. Ч., II, 1923; Быстров С. И., Описание рукописей Н. Г. Ч., хранящихся в Доме-музее его имени в Саратове, Саратов, 1928; Чернышевский М. Н., О Ч. (библиография, 1854—1910), 2 изд., СПб., 1911; Денисюк Н., Критическая литература о произведениях Н. Г. Ч., вып. I, М., 1908.

ЧЕРНЬ РАСТЕНИЙ, черные, как бы сажистые налеты, образуемые грибами-испорочниками на листьях (преимущественно на верхней стороне), стеблях и плодах различных гл. обр. древесных и кустарных растений. Грибки эти являются сапрофитами, живут только на поверхности растений, не проникая внутрь их, и питаются обычно сахаристыми выделениями тлей, живущих на растении, поражаемых Ч. р.; иногда Ч. р. развивается на листьях без тлей и грибки питаются выделяющимся из пораний и водяных устьиц клеточным соком. Грибки, образующие Ч. р., принадлежат к различным т. н. несовершенным и

к сумчатым грибам. Особенно часто встречается из несовершенных очень полиморфный и вероятно сборный вид *Uromyces varians*, нередко также *Cladosporium*, в теплых странах *Meliola* и др. Сумчатые споронии относятся к сем. *Pezizoginaceae*, *Microthyriaceae*, *Pleosporaceae* и др. Зависия сапрофитной, Ч. р. прямого вреда растениям не приносит, но косвенно вредит, затгивая их пленкой, ослабляющей фотосинтез, транспирацию, дыхание. Борьба с Ч. р. сводится гл. обр. к уничтожению тлей повторными опрыскиваниями керосиновой эмульсией, табачным отваром, квасеией и т. п. Черные налеты (черны плесени) на алаках передко образует несовершенный грибок *Cladosporium herbarum*, который от сапрофитного питания может перейти к паразитизму. Особенно пышно развивается он в сырую погоду на скатах и неубранных хлебных злаках; борьба с ним кроме своевременной уборки и просушки урожая ведется еще протравливанием посевного материала формалином и др. фунгицидами.

Н. К.

ЧЕРНЯВСКИЙ, Микола (род. 1868), украинский писатель. Сын священника. Писать начал с 1887. В произведениях Ч., посвященных до-революционной шахте и деревне, выражен неформальный протест против эксплуатации «бедных богатыми», социального неравенства и несправедливости. Вместе с тем Чернявский не чужд буржуазно-шовинистической трактовки прошлого Украины, идеализации хмельничны и т. п. (поэма «Князь Сарматі» и др.). В своем творчестве пореволюционного периода Ч. медленно приобретает националистические тенденции. В рассказе «І два кінці» (1933) Ч. трактует тему социального строительства с точки зрения украинской мелкобуржуазной интеллигенции, под влиянием социалистических побед переходящей на советские позиции.

Сборники стихов: «Ще не вмерли!» (1895); «Довечні сонети» (1898); «Зорі» (1903). Сборники рассказов: «З розпуття життя» (1913), «Богові невідомо» и «Повість я оповідаю» (1920)—три сборника и др.

ЧЕРНЯЕВ, город в Казахской АССР, переименованный в наст. время в *Чимкент* (см.).

ЧЕРНЯК, Максимilian Андреевич, революционер 60-х гг. Поляк, сын помещика Волынской губ., Черняк в 1857, по окончании Киевского ун-та, поступил на военную службу; позже окончил Академию ген. штаба. Был членом Казанского комитета первого об-ва Земли и воли. В 1863 Черняк участвовал в *Казанском заговоре* (см.). Когда заговор был открыт, Ч. ушел скрyтcя. Он принял также участие в польском восстании, командовал под именем Ладо отрядом повстанцев и в VII 1864 был арестован в Динабурге. Отиравленный в Казань Черняк был предан военному суду и приговорен к расстрелу. Казнен в Казани 11/X 1865.

Лит.: Био-биографический словарь революционных деятелей, т. I, вып. 2, М., 1923; Отануки польского восстания 1863 в центральной России, с предисл. В. Кошмина, «Красный архив», М.—Л., 1923, т. IV.

ЧЕРНЯХОВСКИЙ РАЙОН, в Киевской обл. УССР, расположен по ж.-д. линии Бердичев—Коростень; площадь 713 км²; нас. 56.637 чел. (1932). На территории района находятся один из лучших в СССР гриштов, имеющие экспортное значение (на карьерах зыято 208 рабочих в 1932). Три кирпичных заводы (58 рабочих), 3 мельницы (25 рабочих) и фабрика гнутой мебели в Черняхове (48 рабочих). Развито хмелеводство. Центр района—поселок гор. типа Черняхов, в 2,5 км от ст. Горбашин Юго-Зап. ж. д.; 3.123 жит. (1932). Электростанция (40 kW).